

Ч е с т ь .

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Г. Зудерманна.

Переводъ съ нѣмецкаго Н. К.

Къ представленію дозволено 27 сентября 1891 г., № 4518.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мюлингъ, фабрикантъ.
Амалія, его жена.
Леонора, ихъ дочь.
Куртъ, ихъ сынъ.
Лотаръ Брандтъ.
Гуго Штенгель.
Графъ фонъ-Трастъ-Заарбергъ.
Хеймене—отецъ.
Хеймене—мать.

Робертъ	} въ дѣти.
Альма	
Августа	
Михальскій, мужъ Августы.	} у Мюлинга.
Гебенстрейтъ, жена садовника	
Вильгельмъ, лакей	
Іоганнъ, кучеръ	
Слуга гр. Траста, ввудсъ.	

Дѣйствіе на фабрикѣ Мюлинга въ Шарлоттенбургѣ, близъ Берлина, въ наше время.

Примѣчанія автора:

Мюлингъ, холодная натура, сухой дѣлецъ, себя на умѣ, но отовсюду не злодѣй. Самъ считаетъ себя за мягкаго, любезнаго человѣка и любитъ, чтобы и другіе считали его такимъ. Амалія, женщина нервная, волнующаяся. Старается показать, что никто другой, какъ она внесла капиталъ въ торговое дѣло мужа, что только ея деньгамъ дѣло обязано своимъ процвѣтаніемъ. Леонора, серьезная, простая, добрая дѣвушка, но съ друзьями брата держитъ себя свѣтской элегантною барышней, даже нѣсколько высокомерно. Куртъ, представитель легкомысленной, чванливой, «золотой молодежи», но далеко не злой человѣкъ. Даже въ сценѣ обвиненія въ воровствѣ въ 4 актѣ — проявляетъ больше минутной ярости, чѣмъ врожденной злобы. Лотаръ Брандтъ, съ претензіями на остроуміе, корректный, придерживающійся во всемъ внѣшней формы отпрыскъ «молодой Германіи», соединяющій въ себѣ корпоративнаго студента и гвардейца. Роль исполняется безъ всякаго шаржа. Гуго Штенгель, берлинскій «пишуть». Робертъ Хеймене. Въ 1 актѣ слѣдуетъ отбѣнить постепенный переходъ отъ простодушной, почти дѣтской доверчивости къ недоверію и подозрѣнію. Третій актъ долженъ быть проведенъ безъ излишняго пафоса. Въ 4 актѣ Робертъ является мрачнымъ, озлобленнымъ, ушедшимъ въ себя, способнымъ даже на убійство. Хеймене, ворчливый старикъ, постоянно смѣется короткимъ смѣхомъ. Хеймене, добродушная, нѣсколько глупая старуха. Дурные поступки обоихъ родителей Роберта происходятъ не отъ врожденной склонности, а какъ результатъ нищенскаго существованія въ теченіе всей жизни. Альма, пустая, не сознающая своего положенія дѣвушка. Въ началѣ, съ Робертомъ, въ 3 актѣ, она искренна въ своемъ раскаяніи и только послѣ отказа ей, въ невинной, по ея мнѣнію, просьбѣ отпустить ее въ маскарадъ — выказываетъ свое упрямство и свои дурныя стороны. Въ 11 явленіи 3 акта она не принимаетъ участія въ общей сценѣ, занятая только своимъ нарядомъ. Августа — жадна, хитра, умна.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у стариковъ Хейнеке. Потертая мѣщанская обстановка. Нѣсколько роскошныхъ вещей: два кресла, обитыхъ шелковой матеріей, закрытыхъ чехлами и большое трюмо въ золоченой рамѣ. Разный домашній скрабъ на комодѣ и полкахъ. Справа (отъ публики) диванъ и столъ съ кофейнымъ приборомъ, слѣва простой рабочій станокъ, на немъ юршскъ съ клейстеромъ, пачка картона и кучка готовыхъ картонажей. Несмотря на нищенскую обстановку, комната полна разными бездѣлушками и хламомъ: на стѣнахъ дешевыя гравюры, на полкахъ картонажи, старыя фарфоровыя чашки, сахарница и грошова вѣза.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Хейнеке—мать (*старательно убираетъ комнату*) и Гебенстрейтъ.

Геб. (*изъ двери направо*). Такъ это, стало, правда? Пріѣхалъ вашъ сынъ-то?

Хейнеке. Т-съ, т-съ! Ради Бога!—Онъ спитъ.

Геб. Такъ? въ каноркѣ Альмы?

Хейн. Ну, да! ну да! Просто не знаю, за что и братья! Отъ радости совсѣмъ одурѣла! (*Падаетъ въ кресло.*)

Геб. Въ хозяйскомъ-то домѣ знаютъ про то?

Хейн. Какже, онъ доложитъ вѣдѣль, нельзя же, все-жъ таки хозяйка.—Сегодня съ визитомъ къ нимъ пойдетъ.

Геб. Долго-ль онъ ѣздилъ-то!

Хейн. Семь-восемь-девять лѣтъ съ половиной. Вотъ сколько не видала я своего дятку. (*Плачетъ.*)

Геб. Что же сразу его узнали?

Хейн. И, что вы! Вчера вечеромъ, часовъ такъ около восьми... мой старикъ изъ портерной ввалился, а я тутъ вотъ сижу да для Альмы юбку зачинаю... и сколько эта дѣвченка бѣлья затаскиваетъ... вдругъ, слышу, стучать, смотрю,—входитъ мужчина, что я, мужчина,—баринъ, настоящій баринъ, да въ шубѣ, весь въ бобрахъ, вонъ она виситъ, пощупай-ге-на боберъ-то,—я и думаю, что, должно, кто изъ господъ, изъ дочернихъ знакомыхъ, изъ прітелей молодого хозяина.

Геб. Такъ, такъ.

Хейн.—Они, вѣдь, господа не гордые, чутенько заходятъ къ намъ, бѣднымъ людямъ, поболтать—ну вотъ и думала я, а онъ, какъ проситъ шубу да шляпу на полъ, да ко мнѣ, а прямо передъ мною на колѣнки и сталъ, а какъ вскрикнетъ: «маменька, папенька, да неужто-жъ вы меня не признали, вѣдь это-жъ я, вашъ сынъ!» Ужъ такъ то это, мать моя, разгудесно было, и какъ я только пережила эту радость! (*Плачетъ.*)

Геб. Что вы, сосѣдка, нешто отъ радости умираютъ. Ну, да вѣдь и то сказать, почью о всѣ кошки сѣры.

Хейн. Что это, матушка, вы говорите! Мой выпъ—хорошій сыпъ, благородныхъ понятіевъ.

Геб. Ужъ не слишкомъ-ли благородный. Ко-

нечно, если онъ въ столькихъ земляхъ побывалъ, да въ шелкахъ, да бархатахъ щеголялъ.

Хейн. (*указывая на кресло*). Ну, шелки-то и у насъ найдутся.

Геб. (*съ тримасой*). Ну, ну, еще захочетъ ли онъ этого-то!

Хейн. Захочетъ, сосѣдка, захочетъ.—Матринское сердце повыше всякой должности, всякаго богатства будетъ.—Да что-же это я съ вами проклажаюсь!.. И гдѣ это мой старикъ подѣвался? Не выдали вы его? И гдѣ онъ, хромой, пропадаетъ?

Геб. Да онъ тутъ стоялъ, на морозѣ, съ громаднымъ картономъ—на солнышкѣ. Сушу, говорить.

Хейн. Да что ужъ. Надо дать старику потѣшиться. До самой полночи провозился онъ съ этой штукой, клепалъ все. Да и оба мы съ нимъ всю ночь глазъ не сомкнули, съ радости-то.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Хейнеке-отецъ (*входитъ, прихрамывая, держитъ въ рукахъ громадный транспорантъ*).

Хейн. (*показывая на надпись транспоранта*). Ура! Ну вотъ и готово.

Мать. Чего ты кричишь!

Хейн. (*тихо*). «Добро пожаловать, сынокъ дорогой, въ отчій домъ», Что? ловко придумано?

Геб. Чисто солдатская мишень.

Хейн. Вѣрно, а сердце-то отцовское посередкѣ. Скотринка, старуха... (*Дѣлетъ съ молоткомъ на стулѣ, чтобы прибить транспорантъ на стѣну.*)

Мать. Да заткни ты глотку-то!

Геб. И откуда у сына-то вашего образованность-то эта, благородство то это самое взялось? Вѣдь не изъ вашей-же семейки, небось?

Мать. Ну само-собою. Это, голубушка, вотъ какъ было: лѣтъ ужъ 17 тому назадъ хозяину нашему пожаловали чинъ-то это, совѣтникъ коммерческаго, ну и по этому случаю задали они пиръ горой, и иллюминація, и фейерверки, и бочки съ пивомъ повыкатили для всѣхъ служащихъ и фабричныхъ. Ну, мой муженекъ тамъ и выпилъ, сильно урѣзавшій былъ.—Что ты, старикъ, сту-

чишь, то такъ?—До и то сказать—отчего и не выпить, ежели даровое. Ну, а какъ стали гости развѣзжаться, мой старикъ-то и угоди подъ чью-то карету, ему руку и ногу и переѣхали.

Хейн. Да еще какъ! Небось не пустяки это! *(Свиститъ.)*

Мать. Не свисти! Услыхали про это хозяйева и справляться стали, кто такой, да откуда, да какъ живетъ. Ну, а какъ отъ радости то своей—они ужь очень тогда подобрѣли, то и наобѣщали намъ и о насъ позаботиться и сына нашего старшаго въ науку отдать и въ люди вывести.

Геб. Ну и что-же, сдержали свое обѣщаніе-то?

Хейн. А пу ихъ къ бѣсу лысону.

Мать. Ну, это, какъ сказать! Намъ они этого флигелишко отвели, откуда насъ до сихъ поръ не выгнали еще, а сына въ училище поѣхали, тамъ онъ свою образованность-то и полировку эту самую и приобрѣлъ. А когда онъ на праздники домой прїѣзжалъ, то хозяйева всегда къ себѣ его брали, шеколадомъ угощали, и съ барышней играть заставляли. Барчука-то тогда еще мамка нянчила.

Геб. Стало, сынку-то вашему лучше дочки судьба выпала?

Мать *(тихо)*. Что-жъ съ этимъ подѣлаешь?!

Геб. То-то и я такъ думаю.

Мать. А потонъ они его въ ученье отправили, въ контору, съ заграничными купцами дѣла вести. А какъ ему 19 годковъ стукнуло, послали они его въ самую эту Ивдію, гдѣ, скажываютъ, такъ жарко бываетъ... Тамъ у нашего хозяина племянникъ живетъ, чайными да кофейными товарами заправляетъ.

Хейн. *(съ лѣстницы)*. Это все тамъ кругомъ растетъ, какъ у насъ лопухи. *(Смѣется.)* Ну, что? Славно?

Мать. Намъ-то и былъ у того, вродѣ какъ подручный. Ну и Господи, опять онъ дома теперь.—Да что-же это я все съ вами болтаю...

Геб. Иду, иду ужь. Прощайте, прощайтесь. А все-жъ таки пальца въ ротъ ему не кладите. *(Въ сторону.)* Ну, и людишки-же! *(Уходитъ.)*

Хейн. *(ей вслѣдъ)*. Сама ты зѣй подколодная!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мать. Зависть, старикъ, зависть.

Хейн. Что за чортъ! Откуда у тебя сладкій пирожекъ-то взялся?

Мать. Кухарка хозяйская принесла, барышня прислала, кланяться велѣла.

Хейн. *(отворачиваясь)*. Съ души воротить у меня огъ всего хозяйскаго. А сынку-то нашему благородному и вставать-бы пора, скоро ужъ къ обѣду свистокъ будетъ. *(Любуется на транспортъ.)* «Добро пожаловать, сынокъ»...

Мать *(переливается)*. Старикъ! здѣсь ужь онъ!

Хейн. Кто?

Мать. Сынокъ-то!

Хейн. *(показываетъ на транспортъ)*. Знаешь ужь.

Мать. Слышишь, шевелится. *(прислушивается.)* И то, ужь, слышь, сапоги обуваетъ. И какъ подумаетъ: тутъ вотъ онъ, сапоги обуваетъ, и черезъ эту самую дверь сейчасъ выйдетъ...

Хейн. *(юрдо)*. Яему только и скажу, что добромъ, пожаловать... А что, ты ему положи умыться тонкаго мыла французскаго отъ Альбы?

Мать *(не слушая)*. И сколько я тутъ въ сидѣла, да думала о немъ, какъ-то ему синтъ да живется, да не съѣли ли его дикіе люди тамошніе. И вдругъ теперь опять онъ дома. Дома, старикъ, дома! Да оставь ты изъяснито, будетъ тебѣ пирожекъ-то ковырять.

Хейн. Скажи, пожалуйста, да ежели нѣ по вкусу.

Мать. Тише ты! Кажись, онъ идетъ,—опять у тебя галстухъ наружу вылезъ. Срамя съ тобой просто. *(Оправляетъ челы на креслѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и Робертъ.

Роб. *(кидаясь къ родителямъ, которые стоятъ смущенные)*. Здравствуй, отецъ. Бож мой, какъ я счастливъ! Здравствуй, мама. *(Онимаетъ мать и цѣлуетъ ея руку.)*

Хейн. «Добро пожаловать, сынокъ»... *(Захвативъ, что Роб. хочетъ поцѣловать ея руку, быстро обтираетъ ее о панталонъ.)* Ты у меня хочешь руку поцѣловать?

Роб. Конечно, отецъ, если ты позволишь.

Хейн. *(даетъ руку)*. Сейчасъ видно хорошаго-то сына.

Роб. *(олядываясь)*. Такъ вотъ, наконецъ-то, я и дома. Я и самъ не знаю... Быть можетъ, я все это вижу во снѣ... Ахъ эта тоска по родинѣ, Господи, эта тоска по родинѣ! Лежишь бывало ночью и все родное вдругъ встанетъ передъ глазами: отецъ, мать, дворъ, садъ, фабрика..... очнешься—надъ тобой длинная пальмовая вѣтвь, а издали донесется крикъ попугая. Придешь въ себя..... поймешь, что ты далеко на другомъ концѣ свѣта, одинъ! Вррръ!

Хейн. Попугай? Вотъ это славно. У насъ только у богатыхъ людей попугай-то есть.

Роб. Да, но если бы вы знали, какъ я боялся за послѣдніе годы... и въ дорогѣ домой... найду ли у себя дома все такъ, какъ я себѣ представлялъ.

Хейн. А почему же и нѣтъ?

Роб. Тамъ былъ одинъ мой другъ, мой лучший другъ, который пробовалъ расколачивать мои ожиданья. «Ты сталъ нѣ уже чужимъ говаривалъ онъ, и не слѣдуетъ пробовать соединять то, что время и судьба разъединили»—

еще Богъ знаетъ что. Тогда я сталъ бояться и за васъ, и за себя. Ну, слава Богу, теперь всѣ опасенія разсѣялись. Все, все исполнилось. Я засталъ здѣсь все такъ, какъ мечталъ 10 лѣтъ. Вотъ и отецъ, вотъ и мама, милые, добрые.... постарѣли, правда, немножко.... но лѣтъ же и руки у меня. Подождите только. И сестры должны работать. Ну вотъ—здѣсь и цтовскій старый горшокъ съ крахмаломъ.... и фабричный паровикъ все также весело шумитъ.

Мать. Небось, машина-то тебѣ всю ночь спать не давала?—шумъ такой отъ нея.

Роб. О, нѣтъ; она убаюкивала меня лучше всякой колыбельной пѣсни. Я уже засыпалъ и все думалъ: ну пытки, стучи, старый другъ, не лѣнись, но какъ ты не старайся, ты не сможешь прибавить къ славѣ дома Мюлинга столько, сколько я... Развѣ же мнѣ нельзя гордиться? И тогда-то я вспомнилъ про нашихъ благодѣтелей.

Хейн. Г-мъ... г-мъ!

Роб. Ты что-то сказалъ, отецъ?

Хейн. Я? Нѣтъ, ничего.

Роб. И въ эту минуту я поклялся работать для нихъ до послѣдняго вздоха!

Хейн. Я полагаю, ты уже довольно на нихъ поработалъ.

Мать. Истерзался, измытарился ты для нихъ, въ эти 10-то лѣтъ.

Роб. Ну, не слишкомъ, мама. Однако, перестанешь говорить объ этомъ. Домъ Мюлингъ ежедневно давалъ мнѣ новый поводъ къ благодарности. Письма, которые писалъ мнѣ глава дома, а особенно Куртъ, который теперь уже тоже компаньонъ, были такія дружескія.

Хейн. Куртъ? Ну, это добрый паренъ. Ну, вообще-то и онъ будетъ такой же. Станешь не нуженъ и пошелъ вонъ. Поучи еще и ты меня насчетъ этой шайки.

Роб. *(хочетъ возразить, но молча отворачивается огорченный)*.

Хейн. Да ты оглянись, сыночекъ! Неужто ты ничего не замѣчаешь? Мать, онъ ничего не замѣчаетъ.

Мать. Перестань вздоръ болтать-то!

Хейн. Вздоръ? Какъ? Если я приветствую дорогого сына въ отчемъ домѣ, такъ, по твоему, я вздоръ болтаю? *(Подводитъ Роберта къ транспорту)*. Каково? Ну что ты скажешь?

Роб. И это ты самъ сдѣлалъ, отецъ, своей больной рукой?

Хейн. Ну, что тамъ. Я могу еще не такія вещи дѣлать. Если-бъ я, бѣдный калѣка, не могъ бы работать, то вся наша почтеннѣйшая семейка съ голоду бы давно поколѣла. Ну, ты что же тутъ, мать, стоишь, да зѣваешь, гдѣ же кофей-то?

Мать. Ну ужъ, ну ужъ. *(Уходя)*

Роб. *(ей вслѣд)*. Мама, право отецъ не хотѣлъ тебя этихъ обидѣть.

Мать Обидѣть?! Да, вѣдь это онъ такъ говоритъ, чтобы ты подумала, что онъ въ домѣ хозяинъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Пауза.

Роб. *(стараясь замаять неприятную сцену)*. Ну а коробочки-то ты по прежнему клеишь, отецъ?

Хейн. А какъ-же, постоянно.

Роб. А рука тебѣ не мѣшаетъ?

Хейн. Рука? ха-ха-ха! Рука! Хочешь посмотреть, какъ я клею? Сначала возьму картонъ вотъ такъ вотъ, потомъ перегну его такъ. *(Проводитъ кистью съ клеестеромъ по картону, который онъ придерживаетъ локтемъ лѣвой руки)*. Ну-ка, кто сдѣлаетъ лучше меня, калѣки?

Роб. Да ты настоящій фокусникъ!

Хейн. Да я и въ самомъ дѣлѣ фокусникъ. Никто только меня не понимаетъ. Кто поддерживаетъ меня? Никто меня не поддерживаетъ. Понятное дѣло, откуда же и быть уваженію ко мнѣ у обидчивыхъ дѣвченочекъ.... ну одна то ужъ теперь замужемъ.... когда родная мать даетъ сама дурной прикѣръ....

Роб. *(укоризненно)*. Отецъ!

Хейн. Ну да, ты, конечно, нашихъ дѣлъ еще не знаешь. Издали-то все выглядитъ куда какъ прекрасно. Такъ-то! Только и слышишь: милая маменька, милая сестрица, а, если бы ты только знала, что мнѣ здѣсь терпѣть приходится?! Она мнѣ даже на конку денегъ не даетъ, когда я соберусь въ городъ проѣхать, въ портерную.

Роб. Отецъ, не слишкомъ ли ты несправедливъ къ мамѣ? Развѣ же она не бережетъ тебя пуще своего глаза?

Хейн. Ахъ, Господи! Да я и не хочу ничего сказать про нее дурного. Т-съ, идетъ!

Мать *(входитъ съ кофейникомъ въ рукахъ)*. Ну, садись, сыночекъ, садись, сюда, вотъ сюда на кресла-то, на кресла-то. Погоди немножко. *(Снимаетъ съ кресла чехолъ)*. Нашему знатному барину мѣсто на шелку.

Роб. Батюшки! Это, что за роскошь?!

Мать. Да, да, и другое, вотъ, тоже такое же.—У насъ, вѣдь, цѣлыхъ двѣ штуки.—А трюмо-то ты видѣлъ? Рама-то вся въ позолотѣ, а стекло-то цѣльное. Зятъ говорить, что ему бѣдно, бѣдно сто талеровъ цѣна.

Роб. Да откуда у васъ взялись всѣ эти прелести?

Мать. Отъ самого хозяина.

Роб. Такъ это онъ дѣлаетъ вамъ такіе подарки?

Хейн. Т. е., собственно говоря....

Мать (*тихо*). Т-съ, т-съ! Нешто ты не знаешь, что молодой хозяинъ про себя сказывать не велѣлъ.—(*Громко*.) Какъ-же. Къ прошлогоднимъ святкамъ трико подарили, а въ нынѣшнемъ году—кресла. Старикъ, да не ковырай ты пироги-то!

Роб. Ну, подобнаго рода щедрость мнѣ что-то не нравится.

Мать (*разливая кофе*). Ну, да вѣдь, эти вещи и не каждому годятся! Ну, а когда такихъ знатныхъ гостей принимать приходится, да когда еще и сынокъ такой большой баринъ, да и дочка такая умная, да талантливая...

Роб. Алья?

Хейн. Да, да. Мы для нашей дочки все сдѣлали, что только намъ по силамъ было.

Мать. А ты къ тому же, сынокъ, намъ всегда такъ много денегъ присылалъ...

Роб. Да, вѣдь, у насъ уговоръ былъ, чтобы она школу кончила, да портняжному ремеслу да счетоводству выучилась?

Мать. Да, конечно.... раньше....

Роб. А теперь? Развѣ она безъ мѣста?

Мать. Ужъ больше полгода.

Роб. Такъ что же она теперь дѣлаетъ?

Хейн. (*ордо*). Въ пѣвицы готовится.

Роб. Никогда я и не слыхивалъ про ея музыкальныя способности.

Хейн. И еще какъ! (*Пьютъ кофе*.)

Мать. Она экзаментъ держала у итальянской пѣвицы, у синьоры... или какъ тамъ ихъ вовуть.... такъ та говорила, что она отродясь ничего такого и не слыхивала и что она за честь сочтетъ даромъ давать уроки Альмѣ.

Роб. Что же вы инѣ-то о томъ ничего не писали?

Мать. Ахъ, Господи, да отсюда до Индіи такъ далеко, что право всегда что-нибудь забудешь написать, а кроми того, мы тебѣ супризь хотѣли сдѣлать.

Роб. (*встаетъ и въ волненіи ходитъ*). Ну а Августа? Смотритъ она, по крайней мѣрѣ, за ней?

Мать. Конечно-же, она ее съ глазъ не спускаетъ. Алья и ѣстъ, и занимается у нея. А когда вечеромъ поздно конки кончатся, такъ и поучетъ у нея. Вотъ, и сегодня....

Роб. А васъ не беспокоитъ, когда она возвращается поздно вечеромъ?

Хейн. Хе, хе, не велико дѣло.

Мать. Да, вѣдь, мы, небось, знаемъ, что Августа ее зря не отпуститъ. Впрочемъ, теперь пора бы ей ужъ и дома быть. Молочница ужъ давно, рано утромъ, ей письмо понесла.—Вотъ, будетъ рада то!

Роб. А Августа живетъ счастливо?

Мать. Ну, это какъ сказать. Бываетъ, запираетъ онъ иногда, да и часомъ работать лѣнится. Впрочемъ....

Хейн. А ворчать, да скандалить, на это онъ мастеръ.

Мать. А вообще, кажется, живутъ-то себѣ ничего, ладно. Августа двѣ комнаты у себя обмѣлировала и сдала ихъ одному богатому барину изъ Потсдама.—Онъ изрѣдка только останавливается у нихъ, а платить-то по-мѣсячно. Въ хозяйствѣ-то и подспорье. За кофею по утрамъ по маркѣ платитъ. (*Смотритъ въ окно*.) Да вонъ она идетъ съ зятемъ.

Роб. Какъ, а Алья развѣ не съ ними?

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ-же Августа и Михальскій.

Авг. Ну, вотъ наконецъ-то и ты вернулъ. (*Цѣлуются*.) Ну, какъ поживалъ? Впрочемъ, и спрашивать нечего, кто такъ щеголяется... хотя и то сказать, не все то золото, что блистаетъ... А вотъ и мой благовѣрный.

Роб. Ну, милый зять, давайте мнѣ руку, будемъ друзьями.

Мих. Помилюте, много чести. Не часто случается, что моей мозолистой лапѣ такая честь выпадаетъ.

Роб. Зять, это не-подружески. (*Августа*). А Алья гдѣ?

Авг. Наша принцесса все тувалетъ никакъ своей не кончитъ, чтобы къ братцу явиться. Онъ еще изволяетъ себѣ чолку подвивать. Онѣ, должно, съ слѣдующей конкой припожалуютъ. Откуда это у васъ пироги-то?

Мать (*обнося въспѣхъ пирогами. Миганскіе подтягъ*). Съѣшь хоть кусочекъ, сынокъ. (*Робертъ отказывается. Остальные подтягъ. Пауза*.)

Хейн. Посмотри-ка, Михальскій, что съжешь? «Добро пожаловать, сынокъ дорогой»...

Мих. (*прожевывая*). Ерунда!

Роб. (*удивленно*). Зять?

Хейн. Что? Это я отъ души сдѣлалъ своей сломанной рукой...? (*Робертъ успокаиваетъ его*.)

Мих. Я человѣкъ простой, я всегда прямо говорю... не люблю я этихъ глупостей... Коу такъ работать приходится, какъ намъ, кого голодъ поговяетъ...

Хейн. Еще бы, особенно, когда замѣсто работы пѣлый день безъ дѣла шляются, да сладкіе пироги жрутъ.

Авг. Опять ругаться начали? (*Мужу*.) Ты-то бы, хоть, языкъ попридержалъ. Не видишь, что ли, что старикъ въ младенчество впадаетъ.

Хейн. Я? Въ младенцы? Вотъ это такъ... Ловко... Видишь самъ теперь, какъ со мною дѣтки-то поступаютъ...

Роб. (*тихо Августъ*). Извини, сестра, развѣ можно такъ говорить...

Авг. Какъ говорить? (*Стучать*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ-же и лакей Вильгельмъ (*въ ливерѣ, съ букетомъ въ рукахъ.*)

Всѣ (*кромя Роберта.*) А, Вильгельмъ, здравствуйте, съ добрыми утромами. (*Хейнке и Михальскій жмутъ ему руку.*)

Мать. Для кого-жъ это букетъ-то? должно въ городъ кому?

Вильг. Нѣтъ, сюда прислали. Вы будете молодой Хейнке? (*Робертъ киваетъ головой. Вильгельмъ фамильярно.*) Очень пріятно съ вами познакомиться. (*Протягиваетъ руку.*)

Роб. (*улыхаясь и не подавая руки.*) Очень любезно съ вашей стороны.

Вильг. Господа поздравляютъ васъ съ пріѣздомъ и посылаютъ вамъ этотъ букетъ — самые рѣдкіе цвѣты, какіе только есть въ оранжереѣ. Ну, но секрету вамъ сказать, цвѣты-то барышня послала... Вообще барышня очень...

Роб. (*сдерживаясь.*) Вамъ что же приказали мнѣ все это рассказать?

Вильг. Нѣтъ, приказывать не приказывали.

Роб. Ну, такъ и оставьте это при себѣ. (*Вильгельмъ идетъ къ двери.*)

Мать. Вильгельмъ, пирожка не хотите-ли? Еще осталось немного.

Роб. Подожди немножко, мама, (*Даетъ лакею деньги.*) Вотъ вамъ па-чай. Передайте господамъ, что я буду мнѣ честь быть у нихъ въ 2 часа, виѣстѣ съ графомъ Трасть-Зварбергомъ. Можете идти. (*Вильгельмъ уходитъ.*)

Мать. Съ графомъ? Съ какинъ графомъ?

Роб. Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, мама, я ему многіе обязанъ.

Авг. (*тихо мужу.*) Слышишь? Съ графомъ дружбу водить.

Мих. (*тихо.*) Хочетъ насъ этихъ удивить.

Мать. Дай-ка букетъ, я его въ воду поставлю. Послушай, сынокъ, зачѣмъ же это ты такъ съ Вильгельмомъ-то плохо обошелся? — Вѣдь мы съ нимъ пріатели?

Авг. Мы люди простые, съ графомъ знакомства водить не можемъ.

Мих. Намъ только съ лакеями въ пору дружбу вести.

Мать. Да, да, съ Вильгельмомъ-то ты должевъ подружиться... хоть ради насъ, сынокъ. Много онъ намъ добра дѣлалъ. То жаркого кусочекъ, то вина бутылочку притащить.

Роб. Мама, мама, и ты брала?!

Мат. А почему-жъ и нѣтъ? Мы люди бѣдные, мы радоваться должны, если кто намъ что дастъ.

Роб. Мама, я стану больше работать, я вамъ все отдамъ, но... не правда ли ты мнѣ общаешь?.. отъ этого лакея ты больше ничего брать не станешь?

Мать. Ахъ сынокъ, сынокъ, вѣдь это ужъ

гордость будетъ, чего намъ транжириться... Зачѣмъ отъ хорошаго отказываться? Вѣдь онъ тебѣ про барыню, право слово, безъ зла рассказывалъ. Ужъ больно она странная. Какъ съ ней встрѣтишься только на дворѣ, такъ и начнешь о тебѣ спрашивать; нѣтъ ли отъ тебѣ вѣсточки, здоровъ-ли, и поидеть, и поидеть... и всегда такая то ласковая... Вотъ кабы ты поумнѣе былъ, сынокъ...

Роб. Ради Бога, мама, перестанешь объ этомъ.

Хейн. Парочка нильончиковъ намъ бы по вкусу пришлась.

Мих. А что далъ бы ты мнѣ, братецъ, тогда взаимъ денежокъ?

Роб. (*про себя.*) Долго ли еще они не перестанутъ меня мучить!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ-же и Альма; въ концѣ Индусъ.

Альма (*въ палевой жакеткѣ, кокетливой прическѣ, перчаткахъ, со множествомъ браслетовъ и съ роскошнымъ зонтикомъ. Въ дверяхъ.*) Здравствуйте.

Роб. (*кидается ей навстрѣчу и обнимаетъ ее.*) Альма! Наконецъ-то!

Мих. (*жестъ.*) Сошлись два графика изъ нашей фамиліи.

Роб. (*обнимая Альму.*) Послушай, сестренка, если бы ты даже была такъ же дурна, какъ теперь красива, то, право, все же тебѣ нечего было бояться, что ты можешь не понравиться старшему брату...

Альма. Фуй, Августа, разболтала.

Роб. Ну, ну не отъ злого сердца она мнѣ рассказывала. Полно, не сердись.

Альма (*отъѣмъ).* Милый братецъ...

Авг. (*тихо.*) Ишь ты, какъ трогательно. (*Мать помогаетъ Альмѣ снять жакетку.*)

Хейн. Ну что скажешь? (*Треплетъ Альму по щекамъ.*) Сокровище она мое или нѣтъ?

Альма (*выдыхая трели.*) «Oui, cher papa, c'est Girofla».

Хейн. Слышишь, слышишь, какъ поетъ. — Совсѣмъ итальянка.

Роб. Скажи, пожалуйста. Что это я слышу за новости? Ты, во что бы то ни стало, хочешь сдѣлаться знаменитой пѣвицей?

Альма. Да, если это возможно, то, конечно, я противъ этого ничего не имѣю.

Мать. Альмочка, хочешь пирожка?

Альма. Merci beaucoup. (*Беретъ кусокъ и отходитъ къ зеркалу и охорашивается.*)

Роб. Ну что же ты прилежно занимаешься?

Альма (*съ полнымъ ртомъ.*) Каждый день урокъ у меня—do-re-mi-fa-sol-la-ci-ci-la-sol-fa. Ахъ, какъ падошли мнѣ эти вѣчныя гайны, и эти противныя упражненія. У меня всѣ нервы разбиты.

Мать. Бѣдная моя дѣвочка.

Альма. О уез, ма! Ты знаешь я и по-английски учусь, я ужасно образованна, чего я только не знаю.

Хейн. Да, да, вот видишь ты.

Альма. Да и вообще... Вѣдь жизнь коротка... Главное, чтобы было весело... Ты тоже веселый, братец?

Роб. Конечно, если есть отчего.

Альма. Вотъ еще. Надо быть веселыми и безъ всякихъ причинъ. Зачѣмъ же намъ и молодость? Ахъ, а жизнь такъ хороша... Каждый день что-нибудь новенькое, а Берлинъ такъ хорошъ, такъ красивъ, знаешь... наприѣръ... Подъ Липами электрическое освѣщеніе... Ты ужъ видѣлъ?... Это я люблю больше всего на свѣтѣ... При электрическомъ свѣтѣ всегда бываешь такой блѣдной, такой интересной... Теперь и рестораны всѣ электричествомъ освѣщаются. Чудеса! Вотъ я видѣла люстру... Знаешь въ новомъ кафе на Dönhofsplatz—большая цвѣточная гирлянда, и въ каждомъ цвѣткѣ огонекъ горитъ.

Роб. Ты? Ты была въ этомъ кафе?

Альма. Я? Ну, гдѣ же мнѣ. Я сквозъ окошко видѣла. Ну, а въ Индін этого нѣтъ еще? Не правда-ли?

Роб. Конечно, нѣтъ.

Альма. Мы вообще далеко ушли въ культуру, въ цивилизаціи... Одинъ господинъ мнѣ говорилъ, что у насъ, въ Берлинѣ, почти такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ. Правда это?

Роб. Я не бывалъ въ Парижѣ, дитя мое.

Альма. Фу! какъ это жалко. Каждый молодой человѣкъ долженъ знать Парижъ.

Роб. (*борясь между смущеніемъ и восторгомъ*). Ахъ, ты, моя маленькая дурочка!

Альма. Ха, ха, ха! Неправда-ли какая я смѣшная? Такъ вотъ я такая. (*Смѣясь и шая, отходитъ къ Августу и подноситъ ей свой платокъ, который у нея былъ заткнутъ за поясомъ*.) Понюхай-ка.

Авг. (*тихо*). Ахъ, какъ хорошо! Что это такое?

Альма (*тихо*). Икзора. Самые новые изъ Парижа. Это я сегодня получила.

Авг. (*тихо*). Ты сегодня выйдешь?

Альма (*тихо*). Не знаю еще. Онъ мнѣ скажетъ. За то завтра мы отправимся въ маскарадъ. Ха, ха, ха!

Роб. Ну однако же будемъ поужинѣ, милотка. Пойди-ка сюда... Сядь... Напротивъ меня... Сюда... Сюда...

Альма. Господи! Какой ты!.. Да это чисто уголовный судъ.

Роб. По крайней мѣрѣ я тебя о многомъ разспрошу. (*Старики становятся за стуломъ Альмы. Михайскій садится на стулъ, Августа около него на скамейку*.)

Альма. Начивается. S'il vous plait, monsieur.

Мих. (*тихо жемъ*). Ну, пошло писать.

Роб. Какъ это случилось, что у тебя таланты открылись?

Альма. Это все равно, какъ любовь, и сама не знаешь какъ.

Роб. (*недовольный*). Г-мъ!.. Однако кто-нибудь первый тебѣ сказалъ объ этомъ? (*Альма пожимаетъ плечами*.)

Мать. Вспомни-ка, дочушка,—это молодой хозяинъ...

Роб. Молодой хозяинъ?!

Хейн. Конечно.

Роб. А онъ почемъ узналъ?

Мать. Онъ слышалъ со двора, какъ она поетъ. А потомъ и сказалъ намъ, что глупо будетъ, ежели да такой голосъ...

Роб. Зачѣмъ же ты, Альма, заставляешь маму за себя говорить?

Авг. (*мужу*). Ужъ больно застѣнчива.

Альма. Если такой голосъ въ такой трущобѣ пропадать... и что если я и вообще сама тутъ пропаду. «Это, барышня, было бы очень жалко» сказалъ онъ.

Мать. Я это тоже слышала, какъ онъ ее барышней называлъ.

Хейн. Какъ-же, какъ-же, дочь то моя—оо!

Роб. Продолжай дальше.

Альма. Мои родители позаботились о васѣхъ братцѣ, сказалъ онъ... а я хочу позаботиться о васъ, сказалъ онъ... ну, а потомъ онъ мнѣ учительницу нашелъ, у которой сегодѣ musical—это значитъ музыкальный циркуль. У нея учатся только молодыя дамы самыхъ лучшихъ фамилій. Одна даже была совсѣтана, или обручена съ гусарскимъ поручикомъ.

Роб. Какъ фамилія этой учительницы?

Альма (*недоверчиво*). А тебѣ это зачѣмъ?

Роб. Да вѣдь это не можетъ же быть секретомъ?!

Альма. Ее зовутъ синьора...

Хейн. (*восторженно*). Настоящая итальянка.

Роб. (*вынимая записную книжку*). И живетъ она...

Альма (*быстро*). На что тебѣ къ ней ходить?!

Роб. Понятно, все правда, но мнѣ хотѣлось бы лично отъ твоей учительницы узнать о твоихъ успѣхахъ.

Авг. Да, вѣдь ты, если хочешь, можешь проводить ее завтра въ школу.

Альма (*быстро*). Да, да, да, завтра.

Роб. Хорошо (*Поднимается съ мѣста и взволнованный ходитъ взадъ и впередъ*). Я не хочу тебя обижать, милое дитя, но я долженъ сознаться, что я далеко не раздѣляю вашихъ большихъ надеждъ.

Хейн. Вотъ такъ такъ. Это отчего же?

Роб. Сколько молодыхъ дѣвушекъ попадали на эту дорогу, куда ихъ вовлекли ихъ кокетство и самолюбіе. А это опасно, гориздо опасно!

нежели вы думаете. Я, конечно, твердо убѣжденъ, что побужденія молодого хозяина самыя чистыя, самыя благородныя, но... Ну, да вотъ завтра, если я услышу отъ специалистки, что мои сомнѣнія безосновательны, тогда я самъ обѣщаюсь помогать тебѣ, и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ты не достигнешь въ своемъ искусствѣ блестящихъ результатовъ. (*Альма беретъ вазу съ букетомъ и прячетъ свое лицо въ цветы.*) И какъ это странно, что мы всею, даже этому рѣдкому счастью, обязаны опять-таки дому Мюлинговъ. (*Михальскій иронически смѣется, Робертъ прислушивается.*)

Альма. Мама, кто это прислалъ мнѣ этотъ роскошный букетъ?

Мать. Это не тебѣ, а... (*дѣлая знакъ*) отъ барышни...

Альма. Ахъ, отъ нея?! (*Ставитъ вазу обротно.*)

Роб. Подожди немножко. Еще одинъ вопросъ. Я замѣчаю, что какъ только я упомяну о хозяйскомъ домѣ или о комъ-нибудь изъ того семейства, кто нибудь изъ васъ или засмѣется или сдѣлаетъ непріязненное замѣчаніе, хотя, кажется, молодой Мюлингъ и приобрѣлъ ваше всеобщее расположеніе. Что вы имѣете противъ нашихъ благодѣтелей? За что вы можете жаловаться на нихъ?! (*Молчаніе.*) Почему, наприимѣръ, ты, зять, сейчасъ такъ иронически засмѣялся? (*Молчаніе.*) Или, наприимѣръ, ты, Альма? Почему тебѣ непріятно слышать про букетъ отъ Леоноры? Мать только что рассказывала мнѣ, что та всегда была такъ мила съ нею.

Альма. Кто? Она? Мила? Надутая, чванная, не знаетъ, какъ бы повыше носъ задрать, какъ только встрѣтится со мной. Она еле-еле мнѣ на поклоны отвѣчаетъ. О, она...

Авг. Со мной она тоже такъ же.

Роб. (*съ болью про себя*). Не похоже это что-то на нее...

Мать (*нѣжно*). Пусть только она занужь выйдетъ за моего Роберта.

Роб. (*исступленно, перебивая ее*). Но, мама, мама... Впрочемъ, простите... я вѣдь в забылъ совсѣмъ, что я привезъ кое-что каждой сестрѣ, а также и вамъ... тебѣ, зятю.

Авг. (*вскакивая, съ жадностью*). Гдѣ? Что?

Роб. Въ спальнѣ, на столѣ. На каждой вещи записка для кого она. (*Трое, Августа впереди, убѣгаютъ въ спальню.*)

Хейн. А напѣ-то что же, ничего не привезъ?

Роб. Для васъ, дорогіе родители, ничего изъ заграничнаго хлама я не могъ найти достаточно хорошия, чтобы вамъ привезти. Скажите мнѣ сами что вы желаете.

Мать. Ахъ, еслибы мнѣ дожить до того, чтобы кто-нибудь мнѣ подарилъ канapé, такую, чтобы подходила къ моимъ двумъ кресламъ. (*Ро-*

бертъ смотритъ на нее удивленно.) Ты меня не понимаешь?

Роб. (*съ упрекомъ*). Нѣтъ, мама, я не понимаю тебя.

Хейн. (*капризно*). А я желаю новый горшокъ для клейстера. Авось, это-то ты въ состояніи мнѣ купить. (*Августа съ пестрой шалью, Альма съ футляромъ, Михальскій съ камьяномъ возвращаются, окружаютъ Роберта и благодарятъ его.*)

Авг. Ахъ какъ жаль, что индійскія шали теперь не въ модѣ.

Мих. (*пробуя трубку*). Ну, понятное дѣло, воздухъ не проходитъ.

Роб. (*Альмъ, которая разсматриваетъ фермуаръ*). Ну а ты, Альма, довольна? Посмотри, эти голубые камни называются индусскими сапфирами.

Альма. Очень мило, т.-е. я, конечно, больше люблю темные сапфиры, въ нихъ больше огня.

Роб. Откуда же это у тебя такое знаніе?

Альма. Ахъ — въ витринахъ ювелировъ я очень охотно люблюсь ими.

Роб. А что это у тебя блескитъ въ ушахъ?

Альма. Ахъ, это?—Это поддѣльные брилліанты—больше ничего, 2 марки за пару.

Роб. Душа моя, этого никто не носить. Если ты обѣщаешь сейчасъ же ихъ снять, то у меня есть еще другой сюрпризъ для тебя въ моемъ чемоданѣ.

Альма (*нерешительно снимая сережки*). Ну?

Роб. Видишь-ли—это платье одной индусской принцессы, взятое въ одинъ изъ походовъ однимъ изъ моихъ друзей. Ты полюбишься только. Серебрянная вышивка по розовому.

Альма (*въ восторгѣ*). О, Господи, какая роскошь!

Мих. (*смѣясь*). А потомъ вы, вѣроятно, вздернули ее на висѣлицу? (*Робертъ удивленно смотритъ на него.*)

Альма (*ласкаясь къ брату*). Милый ты мой, дорогой, добрый. (*Кучеръ въ ливрѣ стучитъ въ окно.*)

Мать. Поди, старикъ, спроси, что нужно Иоганну?

Альма (*Августъ*). Ухъ, какъ у нихъ повытнутся лица отъ зависти, когда я завтра, въ маскарадѣ...

Авг. Т-съ, т-съ.

Хейн (*изъ глубины*). Альма, молодой хозяинъ прислалъ Иоганна сказать, что въ 3 часа онъ въ городъ поѣдетъ и велѣлъ спросить, поѣдешь ли ты съ нимъ? (*Августа и Альма молча переглядываются.*)

Роб. Это что значить?

Авг. Ничего особеннаго. У молодого хозяина экипажъ свой, а онъ такой любезный, что разъ навсегда пригласилъ Альму ѣздить съ нимъ до города.

Роб. Какъ? И вы это терпите? И ты, сестра, согласилась?

Альма. Бѣдной дѣвочкѣ тоже хочется покататься въ хорошемъ экипажѣ.

Мать. Притомъ и денегъ меньше на конку выходить.

Роб. Боже милосердный! Какъ же смотреть на васъ даны изъ хозяйской семьи?

Альма. О, онѣ ничего и не знаютъ. Когда я ѣзжу, то экипажъ останавливается у заднихъ воротъ, гдѣ только одни рабочіе проходятъ.

Роб. Тѣмъ хуже. И что за грязныя сплетни должны вызывать такіе секреты! Развѣ ты никогда этого не замѣчала? (Альмѣ.) Пойди-ка ко мнѣ сюда, поближе. Посмотри мнѣ прямо въ глаза...

Альма (смотря на него). Пу?

Роб. (беретъ ее за плечо). Нѣтъ, эти глаза не могутъ лгать! Ты чиста, ты... (Цѣлуетъ ее.)

Хейн. Рѣшай же скорѣй, вѣдь Іоганнъ ждетъ.

Роб. Отецъ, скажи Іоганну, что я раньше самъ переговорю съ его бариномъ.

Альма. Зачѣмъ? Да вѣдь все уже рѣшено...

Роб. Ты больше не будешь кататься въ экипажѣ молодого хозяина. Для дѣвушекъ нашего круга существуетъ конка. (Альма капризно плачетъ.)

Мать. Бѣдное мое дитятко!

Анг. Да ты, что же хочешь здѣсь распоряжаться по своему?! (Со двора слышенъ дѣтскій крикъ.)

Хейн. (у окна). Идите сюда скорѣе, скорѣе, смотрите — негръ въ тюбанѣ. (Всѣ бѣгутъ къ окну, кромѣ Роберта, который, глядя на него, качаетъ головой.)

Всѣ. Негръ! Нѣтъ, это не негръ.

Альма (все еще въ слезахъ). Робертъ, это негръ?

Роб. (мрачно). Нѣтъ, дитя моя, это индусъ, слуга моего друга.

Мать. Твоего друга? Это того саамографа-то?

Роб. Да. (Входитъ индусъ, всѣ его окружаютъ.) Рагарита, твой господинъ желанный гость въ этомъ домѣ. (Индусъ уходитъ. Большое волненіе. Старуха Хейнке передвигаетъ мебель и вытираетъ зеркало.)

Альма (передъ зеркаломъ). Что твой графъ старикъ или молодой? (Робертъ молчитъ.) Ахъ, какіе у меня красные глаза, совсѣмъ красные. Не правда-ли, Августа? А вдругъ, да онъ молодой. (Уходитъ.)

Мих. Пойдемъ, Августа, не будемъ мѣшать знатнымъ барамъ. (Уходитъ.)

Хейн. Ваше сіятельство, скажу я ему... пожалуйста вотъ на это кресло, скажу я ему... О, мы тоже понимаемъ благородное обхождение.

Мать. Мы развѣ ужъ одного барона принимали, онъ изъ пріятелей молодого хозяина... помнишь, старикъ? онъ еще справлялся о здоровьи Аль-

мы... А графовъ еще видѣть у себя не приходилось.

Роб. Кто былъ у васъ, мама, говоришь ты?

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же и графъ Трастъ (съ сильной просидью, длинной русой бородой. Робертъ молча стѣшитъ ему навстрѣчу и жметъ его руки).

Трастъ (тихо). Что съ тобой? Неужели ты еще не пришелъ въ себя отъ возвращенія домой? (Громко.) Такъ вотъ они, къ кому ты такъ стремишься. (Жметъ руки стариковъ.) Знаете-ли, мои почтеннѣйшіе, какіи чудными сыномъ васъ Богъ наградилъ? Дружба моего дорогого Роберта даетъ мнѣ право сказать вамъ это. (Хейнке молча расшаркивается и уходитъ.)

Мать. Пирожка не угодно-ли, ваше сіятельство, еще остался кусочекъ.

Трастъ. Благодарю васъ, я сѣлъ, я сѣлъ. (Мать присѣдаетъ и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Трастъ и Робертъ.

Трастъ. Ты блѣденъ, мой мальчикъ? У тебя руки дрожатъ? Что съ тобой случилось?

Роб. Ахъ, нѣтъ, такъ, ничего. Я счастливъ — понимаешь ты — волнуясь... вѣдь это же такъ естественно.

Трастъ. Вполнѣ. (Въ сторону.) Онъ лжетъ (Ему.) Скажи, пожалуйста, ты думаешь еще долго оставаться здѣсь? Сообразно съ этикой я урегулирую свое пребываніе въ Европѣ.

Роб. Невозможно, милый другъ, наши дороги должны теперь разойтись.

Трастъ. А, чертъ возьми!

Роб. Я буду просить у хозяина мѣсто здѣсь. Индійскій климатъ... ты понимаешь?

Трастъ. Вотъ тебѣ и разъ. Что? Видно хорошо сидѣть у материнской юбки?

Роб. Не насмѣхайся и не выпрашивай. И такъ какъ мы скоро разстанемся... нужно же это когда-нибудь высказать... то прими отъ меня, мой дорогой, мой милый ворчунъ, мою благодарность за все, за все... Я благословляю тотъ часъ, когда мы встрѣтились съ тобой въ первый разъ, когда я, дрожа въ лихорадкѣ, стоялъ въ клубѣ, на Бьютендорфѣ, зади моего молодого хозяина, который вышивалъ на зеленый столъ одну стогуденовую бумажку за другой.

Трастъ. Ну такъ дуракъ я былъ, что съ тобой сошелся, когда ты теперь... меня... Фу!... это нечестно.

Роб. Трастъ! не огорчай меня! Ты видишь: я тебѣ признателенъ за все. Когда я услышалъ тогда твое имя — имя Трастъ и К^о, всемогущее отъ Іокаганы до Адена, я ощутилъ такое же чувство, какъ передъ минераторомъ.

Трасть. Императоръ—милостью кофейныхъ мѣшковъ!

Роб. Мюлингское дѣло въ Батавіи было уже близко къ банкротству...

Трасть. Нечего было и удивляться этому, если ихъ представителемъ былъ первый негодяй во всемъ архипелагѣ.

Роб. Мнѣ грозили потерей мѣста.—Тогда ты принялъ подъ свое покровительство бѣднаго прикащика... Твое имя попоглоди мнѣ завязать массу сношеній, твои совѣты сдѣлали изъ меня человѣка, и въ то время, какъ г. Бенно Мюлингъ продолжалъ свою веселую жизнь, управление вѣщи дѣлами перешло въ мои руки.

Трасть. И въ концѣ концовъ, по милости нашей, домъ Мюлинговъ, вѣстѣ съ своимъ пресловутымъ представителемъ, сдѣлался богаче на вѣсколько сотъ тысячъ... Жаль... Было бы лучше, если бы эти деньги достались тебѣ самому. Ну, да я открою глаза главѣ фирмы на тебя.—И если онъ не сдѣлаетъ тебя, по крайней мѣрѣ, своимъ компаніономъ, то тогда я не удержусь и произведу такое колебаніе цѣнъ на кофе, что этотъ благородный отпрыскъ нѣмецкаго дуба пожнетъ совершенно неожиданные плоды.—Кромѣ шутокъ, зачѣмъ ты упрямился и хочешь непремѣнно продолжать службу въ этой фирмѣ? Переходи ко мнѣ, мой мальчикъ... Я дамъ тебѣ княжеское содержаніе и къ каждому Рождеству пару штановъ. (*Робертъ молча отрицательно качаетъ головой.*) Только одна благодарность не есть еще достаточный поводъ для такого суйнабродства. Нѣтъ ли въ инвентарѣ этой фирмы какой-нибудь нѣмецкой красавицы, которая... (*Въ сторону.*) А-га! (*Громко.*) Да, вотъ кстати, у насъ теперь рѣчь зашла о дѣвицахъ. Представь себѣ, что случилось со мной вчера вечеромъ... Распростившись съ тобой, я прошелся по улицамъ... Бросившаяся мнѣ въ глаза афиша приглашала въ наскарадъ... Между прочимъ она гласила, что сотня баядерокъ исполнять страстные индійскіе танцы. Ну, въ этомъ-то я специалистъ... Ахъ, это зрѣлище способно заставить даже самыхъ строгихъ аскетовъ отречься отъ ихъ обѣтовъ... Вдругъ, въ толпѣ, мнѣ попадаетъ навстрѣчу молодое созданіе, нѣжное и свѣжее, какъ полужрѣлый персикъ. Повидимому, она была безъ провожатаго. Я атаковалъ ее. Она, какъ видно, не глупая, стала выклинивать у меня сладкимъ, дѣтскимъ голоскомъ маленькій брелокъ отъ моихъ часовъ,—это былъ маленькій золотой идолъ божка Ганеза, моего патрона, бога успѣха, божка, который, какъ ты знаешь, изображается ѣдущимъ на крысѣ... Одна крыса чувствуетъ дружбу... И знаешь ли, что я открылъ, идя и болтая съ нею—какая наивная испорченность таилась подъ вѣдностью дѣтской невинности.

Роб. (*испуганно*). Такъ, стало быть, это, дѣйствительно возможно?

Трасть. Ты слышишь же. Ну, а мое сердце привыкло всегда биться въ томъ темпѣ, какой требуется правами страны, гостепріимствомъ которой я пользуюсь. Я дѣлаюсь охотно работою толпы. На востокъ я держу гарезъ, въ Италиі я перелѣзаю при лунномъ свѣтѣ садовые заборы, во Франціи плачу по счетамъ магазиновъ, и, Богъ мой, въ Германіи я возвращаю на путь добродѣтели. Вполнѣ логично! На востокъ люблю чувствомъ, въ Италиі фантазіей, во Франціи кошелокомъ, въ Германіи разсудкомъ. И такъ я рѣшился превратить это порочное дитя въ кающуюся Магдалину. Не успѣлъ я приступить къ своему намѣренію, не успѣли еще откупорить шанпанское, какъ явился господинъ на половинѣ демонъ, на половинѣ шута и заявилъ свои права на нее... Я всегда уважаю права первенства, и потому легъ спать, не успѣвъ сдѣлать добраго дѣла. Но я дорого бы далъ, если бы судьба... мнѣ... это милое созданіе... (*Робертъ вздыхаетъ и закрываетъ лицо руками.*) О, чортъ! Что такое? П-сть.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ-же и Хейнене-мать.

Мать. Робертъ!

Роб. Что тебѣ, мама?

Мать. Нѣтъ ли у тебя пробочника? (*Трасту.*) Моя дочь хочетъ угостить васъ виномъ, ваше сіятельство. Вино это не простое—это лучшее, какое только можетъ быть.

Роб. Вѣроятно, хозяйское?

Мать (*тордо*). Ну, разумеется!

Роб. (*швыряетъ на столъ складной ножикъ*). Вотъ!

Мать. Однако, какой ты!

Роб. Да, да, ты права, прости. (*Мать уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Трасть. Ну, кайся, мой мальчикъ, довѣрься мнѣ...

Роб. Ахъ, если бы мнѣ никогда не пришлось вновь увидѣть мою родину.

Трасть. Ого-го! Не тѣмъ вѣтромъ подуло?!

Роб. Я стыжусь той среды, въ которой я родился. Мои для меня теперь уже болѣе—ничто. Я весь содрогаюсь отъ соприкосновенія съ ними. Я боюсь за свой мозгъ... Одно безумное подозрѣніе за другимъ приходитъ мнѣ въ голову... Трасть! я боюсь, что даже самыя новія чувства поколеблены во мнѣ.

Трасть. Что за глупости!

Роб. О если бы я могъ тебѣ разсказать, что только я здѣсь вытерпѣлъ... Каждое серьезное слово было для меня ударомъ кулака въ голову, каждая шутка—пощечиной. Какъ будто не могли найти другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя оскорбляли меня. Я надѣялся найти здѣсь родное, а очутился лицомъ къ лицу передъ совершенно чуждымъ мнѣ міромъ, въ которомъ я едва могу дышать. Посоветуй же мнѣ, что мнѣ дѣлать?

Трасть. Укладывать свои чемоданы.

Роб. Это было бы трусливое, безсердечное бѣгство. Развѣ это заслужила мать?

Трасть. Знаешь ли. Бросимъ этотъ пафосъ. Все это такъ просто, какъ нельзя быть проще для насъ съ тобой, изучившихъ духъ кастъ на мѣстѣ ихъ возникновенія. Тѣ же касты существуютъ и здѣсь, раздѣленные между собою не запрещеніемъ ѣсть вѣстѣ, не запрещеніемъ браковъ между членами разныхъ кастъ, не правилами религіознаго этикета... Это были бы мелочи. То, что ихъ раздѣляетъ, какъ пропасть, это различіе взглядовъ и понятій. Каждая каста имѣетъ свое собственное понятіе о чести, свое самолюбіе, свои идеалы, даже свой собственный языкъ. Поэтому всякій, отдѣлившись отъ своей касты—несчастный человѣкъ, если у него не хватаетъ мужества окончательно порвать съ нею все. Таковъ и ты. Ты знаешь, что и я когда-то былъ таинъ. Да, то, что ты переживаешь теперь, пережилъ и я много лѣтъ тому назадъ. Или ты думаешь, что мнѣ тогда, молодому, блестящему кавалерійскому офицеру было легко, когда въ одно прекрасное утро я проснулся съ картоннымъ долгомъ въ 90 т. талеровъ, которые должны были быть уплачены въ 24 часа. Мнѣ нисколько не помогло, что я бросился доной и кинулся въ погн моему отцу. Онъ заложилъ бы свою собственную шкуру, чтобы спасти честь моего и своего имени, но эта шкура была уже заложена. И такъ какъ ему нечѣмъ было наградить меня, то онъ наградилъ меня своими проклятіями.

Роб. И у тебя достало мужества продолжать жить?

Трасть. А-га! Развѣ ты не знаешь, какъ это случилось?

Роб. (разсѣянно). Я не знаю больше ничего... ничего... ничего!

Трасть. Такъ замѣть это себѣ. Быть можетъ, это тебѣ пригодится. Когда мои товарищи простились со мной, они оказали мнѣ послѣднюю услугу,—положили на мой столъ заряженный пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ. Я осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Что я, какъ человѣкъ, потерявшій свою честь, не могъ больше жить одного часа—было для меня вполне ясно. И когда я приставилъ пистолетъ къ виску, мнѣ пришла въ голову мысль:

«это жестоко, это глупо! Почему ты сталъ хуже того, чѣмъ ты былъ три дня тому назадъ?! Ты, наобѣщавшій, какъ глухой мальчишка, такіа суллы, которыхъ не имѣлъ, заслуживаешь, быть можетъ, розогъ, но не смерти. Цѣлыя тысячелѣтія наслаждались люди солнечнымъ свѣтомъ, не затеняя его фантомомъ чести. Да и теперь еще живутъ такъ 99 процентовъ всего человѣчества. Живи, работай и наслаждайся солнцемъ, какъ они!»! Когда я черезъ 12 лѣтъ вернулся въ Европу—мой долгъ былъ уже, понятно, давнымъ давно заплаченъ,—между мной отцомъ и мною произошло, въ нѣкоторомъ родѣ, примиреніе,—нужно только. Если бы онъ нашелъ меня, какъ блуднаго сына, лежащаго у порога его дома, онъ бы поднялъ меня изъ грязи и прижалъ бы къ своей груди, но то, что я вернулся къ нему съ гордо поднятой головой, что я могъ придти къ нему самому на помощь съ моимъ полиліономъ—этого онъ никогда не могъ мнѣ простить. Черезъ нѣсколько недѣль я уѣхалъ обратно. Разбогатѣвшій торговецъ кофеемъ и обѣдѣвшій аристократъ не имѣли между собою ничего общаго.

Роб. И вотъ его уже нѣтъ больше.

Трасть. Царство небесное ему, въ которое онъ вѣрилъ. И вотъ мораль: предоставь своимъ ихъ собственный взглядъ на вещи, тебѣ ихъ не передѣлать, доставь имъ все, что имъ нужно, даже больше, чѣмъ нужно и... уѣзжай со мной.

Роб. Я не могу... И слушай, почему я давеча промолчалъ объ этомъ... Я стыдился самого себя. У меня здѣсь любимая сестра, она была еще ребенкомъ, когда я уѣхалъ. О какъ я радовался свиданію съ ней. Въ ней я не разочаровался, она развѣла еще пышнѣй, еще лучше, чѣмъ даже я надѣялся, но моя любовь къ ней превратилась въ ужасъ, въ мученіе. Я боюсь тысячи опасностей... я даже страшусь ихъ назвать. То, что она дѣлаетъ и что позволяетъ дѣлать съ собой, понятно, совершенно безсознательно, противорѣчитъ моимъ понятіямъ о чести на каждой шагъ. Давеча, когда ты разсказывалъ мнѣ про то неразвѣтшее, но уже порочное созданіе, ужасъ... ужасъ охватилъ меня всего—потому что... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ... Здѣсь мое мѣсто, здѣсь я останусь и, если нужно, погибну.

Трасть. Я согласенъ, что ты имѣешь основательныя причины... Но ты находишься въ страшно возбужденномъ состояніи и я держу пари, что ты все видишь въ болѣе черномъ свѣтѣ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Роб. Какъ Богу угодно! (Сжимаетъ голову руками.)

Трасть. Конечно, тебѣ не слѣдовало бы владѣть духомъ, тогда многое ты бы легче перенесъ.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Альма (*слѣва съ подносомъ, на которомъ вино и стаканы. — Графъ отшатывается. Она вскрикиваетъ и чуть не роняетъ подносъ. Графъ, оправившись, спѣшитъ ей на помощь*).

Трасть. Все это чуть не разлетѣлось въ дребезги, mademoiselle. (*Въ сторону.*) Все уже разлетѣлось въ дребезги.

Роб. (*обнимая сестру*). Взгляни, милый Трасть, вотъ она. Не правда ли, это ангелъ? Такъ, теперь ступай къ нему, дай ему свою лапку и скажи: милости просияъ.

Альма (*тихо Трасту*). Вы! Не выдавать!

Трасть (*въ сторону*). Несчастный, какъ я вытащу его отсюда?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Салонъ въ домѣ Мюлинга. Обстановка роскошная, но уютная. Прямо дверь въ столовую съ портьерой. Слева каминъ, софа, овальный столъ и кресла, справа диванчикъ съ маленькимъ столикомъ и качалка. Въ столовой виднѣнъ богато накрытый столъ, въ безпорядкѣ послѣ оконченнаго завтрака.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Мюлингъ, Амалія, Куртъ слѣва, Леонора справа въ качалкѣ, съ книгою въ рукахъ; Ланей разноситъ кофе; Другой ланей убираетъ столъ въ столовой.

Куртъ. Нечего и говорить, воропой превосходень.

Мюл. Но дорогъ...

Куртъ. Дорогъ?! Ахъ, Господи!

Амалія. Я приму разницу ва себя, лишь бы только наконецъ кончить этотъ разговоръ.

Куртъ (*цѣлуя ея руки*). Благодарю мама. Итакъ, я все-таки покажусь коннѣ милымъ берлинцамъ на новой лошади. (*Леонорѣ.*) Я и тебѣ позволяю восхищаться мною.

Леонора (*читая*). Хорошо, мой другъ.

Куртъ. Лотаръ Брандтъ и Гуго Штеггелъ хотѣли прѣхать посмотреть лошадей. Быть можетъ, это способно заинтересовать тебя, Лори?

Леон. Ну, эти скоро явятся, имъ все равно нечего дѣлать. (*Смотритъ на часы, про себя.*) Господи, какъ долго танется время. (*Ланей уходитъ.*)

Амалія. Ты бы могла не выражаться такъ объ этихъ господахъ, дитя мое, такъ какъ Лотаръ видимо ищетъ твоей руки.

Леон. Вотъ какъ?

Амалія. Развѣ ты ничего не замѣчаешь?

Леон. Я не наблюдала за нимъ, мама.

Амалія. (*вполголоса мужу*). Это невозможно, Теодоръ.

Мюл. Этотъ тонъ начъ слишкомъ знакомъ, дитя мое, но и кичливость отцовскихъ карназовъ тоже имѣетъ свои границы.

Леон. (*выпрямляясь*). Отцовскихъ карназовъ?

Мюл. Какъ же прикажешь назвать твой образъ дѣйствій, что ты въ продолженіе 10 лѣтъ гонишь отъ себя видныхъ и богатыхъ жени-

ховъ?... Я человѣкъ простой... Я началъ съ малаго и собственнымъ своимъ трудомъ пріобрѣлъ все.

Куртъ (*въ сторону*). Т.-е. выгодно женился.

Мюл. Что ты сказалъ, Куртъ?

Куртъ. О, это былъ перывъ восторга и только, папа...

Мюл. Да мнѣ не такъ-то легко было, какъ тебѣ, сынъ мой. Я не люблю чваниться и не хочу этого видѣть и въ моихъ дѣтяхъ. Только такъ и можно устроить себѣ пріятную жизнь.

Куртъ. И вдобавокъ—дешевле.

Леон. Твой упрекъ ко мнѣ не относится, папа.

Амалія. Такъ объясни же намъ наконецъ свое поведеніе!

Леон. (*съ упрекомъ*). Мама!

Амалія. (*нервно*). Ахъ, пожалуйста, пожалуйста.

Леонора (*вставая*). О, Господи, отчего вы не даете мнѣ жить, какъ мнѣ хочется. Вѣдь я же ничего не требую, не прошу, какъ только, чтобы мнѣ дали жить по моему.

Мюл. И это ты называешь скромностью? Куда же дѣнется тогда святость семейныхъ узъ.

Амалія (*мужу*). Ну вотъ, самъ видишь, могу ли я быть покойной.

Леон. Изъ-за меня, мама?

Амалія. Каждый день такія выходы, такая безтактность. Ну что значить, наприхѣрь, что ты разорила всю оранжерею, чтобы послать букетъ вернувшемуся прикащику?

Леон. Роберту, хочешь ты сказать?

Амалія. Г. Хейнеке-младшему, хочу я сказать.

Леон. Какой же онъ прикащикъ? Онъ намъ почти родной.

Куртъ. Благодарю.

Амалия. (мяко). Т.-е. ны вытащили его изъ грязн.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Мюлингъ. Ну?

Вильг. Молодой г. Хейнеке приказалъ доложить, что онъ будетъ имѣть честь явиться сюда въ 2 часа. (Леонора дѣлаетъ движеніе и смотритъ на часы.)

Мюл. Скажите, какой большой баринъ. Хорошо.

Вильг. Съ вашего позволенія... Онъ будетъ еще съ однимъ господиномъ — графъ Трастъ, кажется...

Мюл. (вскликая). Что? Графъ Трастъ? Трастъ и К? Куртъ! Кофейный король. (Машетъ Вильгельму, тотъ уходитъ.)

Куртъ. Какое счастье выпадаетъ иногда прикащикамъ!

Мюл. Амалия, мы должны его пригласить непременно.

Амалия. Хорошо, завтра къ обѣду.

Леон. Какъ? А Роберта Хейнеке нѣтъ?

Куртъ (въ сторону). Часъ отъ часу не легче.

Мюл. Собственно говоря, ты права. Если иногда снисходишь къ этимъ людямъ, то привязываешь ихъ къ интересамъ фирмы. Такое отношеніе къ нимъ часто очень выгодно, Куртъ. Этотъ юноша выработался хорошо подъ руководствомъ Бенно. А такъ какъ я хочу послать его въ будущемъ году на Антильскіе острова...

Леонора (съ досадой). Я совсѣмъ не то хотѣла сказать, папа.

Мюл. Все равно.

Амалия. А ты, Куртъ, наблюдай за нимъ, чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь безтактнаго. Знаешь изъ какого онъ общества, а это общество накладываетъ свою печать.

Куртъ (вставая). Pardon, но вѣдь вы желаете, чтобы и мои друзья были приглашены?

Мюл. Конечно, и твои друзья. У молодежи всегда найдется время.

Куртъ. Я попросилъ бы изъавить меня отъ этого. Для меня немислимо вводить людей хорошихъ фамилій въ общество сына... какого-нибудь Хейнеке.

Леон. (тихо ему). Ты вѣроятно хочешь сказать брата м-ле Хейнеке?

Куртъ (сперва испуганно, потомъ собираясь съ духомъ). Что ты хочешь этимъ сказать?

Леон. Довольствуйся и моимъ молчаніемъ.

Куртъ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста?

Леон. Сказать?

Куртъ. Ты что же, думаешь мнѣ грозить?

Мюл. Дѣти, я не допускаю такихъ сценъ въ моемъ домѣ.

Амалия. Предположимъ, что мы ничего не слы-

хали, Теодоръ. Я уйду. И ты вѣроятно, не много приляжешь? (Мюлингъ цѣлуетъ ее официально въ лобъ.)

Куртъ (въ сторону). Доброе старое время. Амалия идетъ къ двери въ клубинъ, Мюлингъ звонитъ.

Леонора (догоняя мать). Мама!

Амалия (оборачиваясь, съ дѣланной любезностью). Хорошо, хорошо, оставь меня. (Уходитъ. Входитъ Вильгельмъ.)

Мюл. Если меня будутъ спрашивать — я въ кабинетъ. (Уходитъ. Вильгельмъ за нимъ.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Куртъ хочетъ тоже уйти.

Леон. Мнѣ кажется, намъ съ тобой надо еще поговорить, Куртъ.

Куртъ. Намъ?... Хе? Нѣтъ.

Леон. И ты не чувствуешь необходимости потребовать отъ меня объясненій?

Куртъ. Ты, кажется, не переносишь, что я возвращаюсь въ общество? Ты, кажется, все еще хочешь водить меня на помочахъ, такъ какъ ты старше меня на 4 года и когда-то учила меня ходить... ну, а теперь, слышишь ли ты, я умѣю ходить самъ на своихъ ногахъ... Нѣкоторыя дамы находятъ даже, что я захожу слишкомъ далеко. Я тебя объ одномъ попрошу, предоставь мнѣ самому найти свою собственную дорогу въ рай.

Леон. Я тебя никогда ни въ чемъ не упрекала. Жуируй, сколько хочешь, но мнѣ достаточно смѣлости въ этомъ признаваться.

Куртъ. Ну, это можетъ имѣть нежелательныя для меня послѣдствія.

Леон. Ты разыгрываешь послушнаго сына, чтобы потомъ, за спиною, смѣяться надъ своими родителями. Повѣрь мнѣ, Куртъ, ты совсѣмъ испортишься на этой дорогѣ.

Куртъ (насмѣшливо). Неужели?

Леон. Объ одномъ я прошу тебя, оставь въ покоѣ нашъ домъ и его обитателей.

Куртъ. Ну это мы попробуемъ, съ Божьей помощью.

Леон. Знаешь ли о чемъ переписываются и говорятъ на всей фабрикѣ? что ты преслѣдуешь сестру Роберта Хейнеке своими уязвленіями, что ты...

Куртъ (пожимая плечами). Ну, если ты позволяешь себѣ переносить сплетни съ задняго двора...

Леон. Куртъ, оставь этотъ тонъ. Я пощадила тебя сегодня въ присутствіи нашихъ родителей. Въ слѣдующій разъ я этого не сдѣлаю. Но прежде всего... Робертъ возвратился... если онъ найдетъ свою сестру виновной... не безпокойся, я не испугаюсь, я не допущу себя до того, чтобы бояться. Но дѣвочка легкомысленна и вѣтренна... И если это случится...

и по твоей винѣ, Куртъ... берегись... онъ уничтожитъ тебя...

Куртъ. Кто? мой прикащикъ, съ чемоданомъ съ образцами?

Леон. А что ты обворовываешь своего прикащика, объ этомъ ты не думаешь?

Куртъ. Что это за выраженіе: «обворовываешь»? Что я у него ворую?

Леон. Его положеніе въ свѣтѣ, его доброе имя.

Куртъ. Иня Хейнеке!? П-ха! (*Вильгельмъ вноситъ двѣ визитныя карточки и подноситъ ихъ Леонору.*)

Леон. Это къ тебѣ.

Куртъ. Кто такой?

Леон. Прочти.

Куртъ. Лотаръ Брандтъ... Гуго Штенгель... Проспѣть, проспѣть. (*Кидаетъ карточки на столѣкъ направо. Слуга уходитъ. Леонора садится въ качалку.*)

Куртъ. Чудеса! Ты сегодня не спи́шишь уйти?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же Штенгель и Брандтъ.

Брандтъ. Здорово, дружище.

Куртъ (*идя навстрѣчу*). Ахъ, вы пріѣхали взглянуть на моего воропого. Это очень мило съ вашей стороны.

Штенг. (*кланяясь Леонору*). Мы позволили себѣ...

Брандтъ (*тоже*). Если мы не обезпечимъ m-lle...

Леон. (*очень любезно*). О, цѣтъ, нисколько, я очень рѣдко бываю въ конюшнѣ. (*Небольшое замѣшательство обоихъ.*)

Куртъ. Что же вы не садитесь?

Бр. Мы ждемъ позволенія m-lle.

Леон. (*голодно*). Прошу. (*Перелистываетъ книгу. Куртъ кидаетъ на нее недовольный взглядъ. Встъ сядутся.*)

Куртъ. Ну гдѣ вы вчера болтались?

Бранд. (*манерничая*). Вчера? Какія требованія ты предъявляешь къ моей памяти! Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ я былъ вчера? Сначала я былъ въ татарсалѣ, потомъ нѣлъ конференцію съ папа. Цѣны на кофе снова падаютъ.

Шт. Это внушаетъ опасенія—53 1/2.

Бр. Внушаетъ опасенія, милый Гуго, это не совсѣмъ вѣрно. Онѣ падаютъ. Мы будемъ бороться. Потому я дѣлалъ визиты. Потому обѣдалъ въ офицерскомъ собраніи.

Леон. (*взглянувъ на него*). А, такъ вы офицеръ?

Бр. (*обиженно*). Я полагалъ, что это вамъ ужъ извѣстно, m-lle. Я поручикъ резерва кирасирскаго, имени кронпринца, полка.

Леон. (*усмѣхаясь и смотря на карточку на столѣ*). Ахъ, да—смотри визитную карточку.

Куртъ (*хлопая Брандта по плечу*). А въ обыкновенное время верхонъ на табуреткѣ въ отцовской конторѣ.

Брандтъ (*рѣзко*). Пожалуйста, пожалуйста, милѣйшій.

Леон. Г. поручикъ, это не плохой конь въ погонѣ за счастьемъ.

Шт. Ахъ какъ это мило, какъ мило.

Куртъ. Я искалъ васъ вчера вечеромъ.

Бр. Вечеромъ? Вечеромъ, какъ всегда, я нѣлъ приглашеніе. Куда? Я и самъ хорошенько не помню. Бросимъ объ этомъ говорить. Вы улыбаетесь, m-lle?

Леон. Сиѣю ли я?

Бр. Вы въ вашей замкнутой жизни и представить себѣ не можете, что значить на нашемъ миломъ языкѣ слово сезонъ.

Шт. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мнѣ, что называется, не удавалось какъ слѣдуетъ выснаться.

Куртъ. Да и то на билліардѣ.

Бр. Ну это милый Куртъ шутитъ, но если бы вы знали, что значить на самомъ дѣлѣ быть мученикомъ удовольствій, то вы бы поняли васъ.

Леон. Я такъ стараюсь васъ понять, что начала уже васъ жалѣть.

Штенг. (*тихо Брандту*). Кажется, эта дѣвченка сиѣется надъ нами?

Бр. (*тихо и лдовито*). Каждая кокетничаетъ по-своему.

Куртъ (*перейдя къ Леонору, тихо*). Мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно быть такой невѣжливой.

Леон. (*качаясь*). Г-мъ? (*Читаетъ.*)

Бранд. Можно узнать, что такъ интересуетъ m-lle?

Куртъ (*про себя*). Зачѣмъ онъ не оставитъ ее въ покоѣ?

Леон. Нѣчто, что врядъ-ли заинтересуетъ мучениковъ удовольствія, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о мученикахъ труда.

Бр. Такъ, такъ.

Шт. (*вскакивая*). Пойдите смотрѣть лошадей.

Бр. Превосходно, ступайте впередъ. Мученики труда интересуютъ меня больше, чѣмъ думаетъ m-lle.

Куртъ (*въ сторону*). Ахъ, несчастный!

Шт. M-lle...

Куртъ (*выталкивая его*). Да иди же, дружище, Бога ради (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Леон. (*смотритъ нетерпѣливо на часы*). Чѣмъ могу служить вамъ, г. Брандтъ?

Бр. Къ моему крайнему сожалѣнію, я вижу, m-lle, какъ мало я пользуюсь вашей благосклонностью, такъ какъ, если я и не обладаю большими достоинствами...

Леон. И чтобы это высказать мнѣ, вы упускаете случай...

Бр. Еще одну минуту... прошу васъ...

Леон. *(въ сторону)*. Предложение!

Бр. Мои недостатки, можетъ быть, и безчисленны, но, m-lle, я прежде всего человѣкъ честный.

Леон. Мнѣ кажется, что для человѣка хорошей фамилии это само собой разумѣется, г. Брандтъ. Это также мало заслуживаетъ похвалы, какъ приличный костюмъ...

Бр. Вы такъ мало цѣните...

Леон. Извините, я не отказываю въ своемъ уваженіи и даже душно одѣтыи, но ихъ въ салоны не пускаютъ. Но, г. Брандтъ, я васъ перебила. Быть можетъ, я въ васъ и ошибаюсь. Продолжайте.

Бр. Я долженъ сознаться вамъ, m-lle, что вы заставили меня сробѣть, а это уже кое-что значить. Потому, что же это за мужчина, который потерялъ храбрость.

Леон. Ахъ, это уже кое-что большее. Я всегда уважала храбрость. Но въ чемъ вы показали свою храбрость?

Бр. Спросите моихъ друзей. Она—мнѣ всякій подозрѣній.

Леон. Вы хотите, вѣроятно, сказать—вы дрались на дуэли?

Бр. Съ дамами не говорятъ о такихъ вещахъ.

Леон. А мы все-таки узнаемъ. Вѣдь мы затыкъ и существуемъ, чтобы раздавать лавры побѣдителямъ. Быть можетъ, вамъ приходилось воевать противъ такихъ вещей, которыми въ глубинѣ души вы сами же сочувствовали?

Бр. *(возмущенный)*. Какъ можете вы это думать. Подобныхъ взглядовъ у меня нѣтъ.

Леон. Или, быть можетъ, вы молча перенесли какое-нибудь недостойное подозрѣніе?

Бр. Я? Молча?... Напротивъ.

Леон. Никогда?

Бр. Никогда, m-lle.

Леон. Ну, тогда и ваша храбрость осталась въ неизвѣстности, господинъ... можно сказать?... поручикъ. Сначала докажите ее и тогда мы поговоримъ подробнѣе. *(Хочетъ встать)*.

Бр. *(удерживая ее)*. M-lle.

ЯВЛЕНИЕ 6 е.

Тѣ-же и Вильгельмъ, Трастъ и Робертъ.

Вильгельмъ *(въ дверяхъ)*. Не угодно-ли господамъ подождать пока здѣсь.

Леон. Ахъ, наконецъ-то. *(Бросается къ Роберту, протягивая ему руки.)*

Тр. *(въ сторону)*. Такъ вотъ оно что! *(Лакеею, который идетъ въ дверь направо.)* Послушайте-ка, подите-ка сюда. *(Беретъ у него изъ рукъ одну изъ карточекъ и кладетъ ее къ себѣ въ карманъ.)*

Бр. *(наблюдая за Леонорой и Робертомъ)*. Что это значитъ?

Тр. Достаточно моей карточки. Ступайте. *(Лакей уходитъ.)*

Роб. Леонора, представляю вамъ графа Траста, моего лучшаго друга.

Леон. *(приходя въ себя)*. Господа, позвольте вамъ представить: г. Лотаръ Брандтъ, графъ Трастъ, г. Робертъ Хейнеке, мой другъ дѣтства. *(Обоюдные поклоны.)*

Бр. *(про себя)*. Она представляетъ меня брату Альмы... Добрый знакъ. *(Громко)* Господа извините меня,—но мои друзья... *(Закрывается и бормочетъ.)*

Тр. Васъ ждутъ? Не такъ ли?

Бр. *(осматривая его высокомерно съ ногъ до головы. Уходя)*. Изъ какого онъ сорта графовъ? *(Оборачивается въ дверяхъ, кланяется, хлопая каблучками.)*

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Леон. *(прося садиться)*. Вы давно уже не были здѣсь, графъ?

Тр. Я веду торговлю дѣла въ тропикахъ почти четверть вѣка.

Леон. Ради удовольствія?

Тр. Во всякомъ случаѣ, насколько это возможно. Кромѣ того я спекулирую на кофе, приносахъ и слоновой кости, охотникъ на слоновъ, а при случаѣ и самъ дѣлаюсь слономъ.

Леон. *(смѣясь)*. Въ качествѣ кого же мнѣ привѣтствовать васъ, такого многосторонняго человѣка?

Тр. Я предоставляю выборъ вамъ, m-lle.

Вильг. *(возвращаясь)*. Баринъ проситъ васъ къ себѣ. *(Всѣ встаютъ.)*

Роб. Итакъ, я долженъ...

Тр. Остаться долженъ ты. Сначала мнѣ нужно одному переговорить съ твоимъ шефомъ. *(Тихо)* Безъ возраженій. Какъ могъ ты скрыть отъ меня про нее? *(Громко.)* Онъ мнѣ цѣлитъ десять лѣтъ плѣлъ о васъ на разные лады. Неужели я не стою, чтобы и вы, хотя бы въ теченіе 10 минутъ, выслушали отъ него и обо мнѣ что-нибудь хорошее?!

Леон. *(грозя ему рукой)*. Какой вы интриганъ!

Тр. Чтобы угодить вамъ, готовъ и на это. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Леон. *(хватая руку Роберта)*. Наконецъ-то я вновь вижу васъ, Робертъ.

Роб. Отъ всего сердца благодарю васъ, Леонора, за каждое ваше доброе слово.

Леон. Ахъ, какой торжественный тонъ. Мои добрые слова не милостыня. *(Подводитъ его къ камину)*. Сюда, къ теплу, садитесь противъ меня. Неужели вы хотите мерзнуть въ холодной Германіи. Подождите, я раздую огонь *(раздуваетъ плъхами)*. Теперь повсюду зимы... очень непрактично... но очень пріятно.

но сидѣть около и болтать. Въ Индіи, вѣдь въ каминахъ не нуждаются, не правда ли? (*про себя*). Какъ я счастлива! (*громко*). Ахъ, какъ я рада, Робертъ... и развѣ вы это знаете... отбросьте всякія сомнѣнія и говорите прямо... я слушаю...

Роб. Леонора, не растревляйте моего сердца.

Леон. Боже меня сохрани!

Роб. Говоря такъ, вы вызываете тѣнь того счастья, которое я уже навсегда похоронилъ.

Леон. О если бы вы только остались тѣмъ же.

Роб. Богъ свидѣтель, что я тотъ же, но развѣ это можетъ чему-нибудь помочь. Насъ раздѣляетъ страшная пропасть.

Леон. (*упавшимъ голосомъ*). Да, въ такомъ случаѣ.

Роб. О, Боже мой, не истолковывайте ложно мои слова. Вѣдь я не смѣю высказать вамъ все, какъ бы я того хотѣлъ. Помните ли вы, что вы сказали мнѣ на ухо при прощаніи?

Леон. Что же?

Роб. «Останься мнѣ вѣренъ».

Леон. Я сказала именно такъ?

Роб. Такія слова не забываются, Леонора.

Леон. Совершенно такъ? Вѣдь намъ запрещали говорить на ты.

Роб. Но вѣдь мы это дѣлали.

Леон. Почему же мы не дѣлаемъ того же теперь?

Роб. Леонора, вы шутите со мной?

Леон. Вы правы, мой другъ, это не годится. Это похоже на кокетство, но, вѣрьте, что это только отъ радости, что я вновь увидѣла васъ. Но вы показали мнѣ слишкомъ ясно, что наши дѣтскіе сны уже кончились.

Роб. Это должно быть такъ! Вашъ отецъ вывелъ меня въ люди, по своему великодушію. Всѣми мнѣ помыслами, всѣми чувствами я обязанъ ему. Я потерялъ право на свою собственную волю. Я только послушный слуга въ этомъ домѣ и не имѣю ни малѣйшаго права стоять такъ близко къ моей госпожѣ. Какая бы форма ни была...

Леон. Это ваша гордость заставляетъ васъ лгать.

Роб. Быть можетъ, дѣйствительно, моя гордость надѣла на меня это яро.

Леон. И вы не хотите пожертвовать мнѣ ни малѣйшей частицы?

Роб. Не мучьте меня. Вѣдь дѣло не только въ этомъ. Подумайте, каково мнѣ. Только теперь, въ эти минуты, когда я сижу подлѣ васъ, я нашелъ что-то родное. — Но я былъ бы несчастливъ эгостомъ, если бы далъ волю этому чувству, потому что тамъ, въ концѣ двора... живетъ моя семья, отецъ, мать, сестра... и эта семья... Ахъ, Леонора, тамъ во флигелѣ дѣла идутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ себѣ можете представить.

Леон. Дорогой другъ мой, не нужно ѣздить

въ Индію, чтобы сдѣлаться чужимъ среди своихъ.

Роб. Какъ, Леонора, и у васъ тоже?

Леон. Лучше молчать объ этомъ. Мнѣ совѣстно передъ вами. Я далеко не такъ сдержанна, какъ вы. Всѣ мои обязанности я забыла; съ какинъ-то глухимъ презрѣніемъ, которое перешло почти въ высокомеріе, отношусь я къ своимъ и ко всему, что здѣсь происходитъ. А въ самомъ дѣлѣ я далеко не высокомерна. Скажите же мнѣ, что это такое со мной?!

Роб. Тихе.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же, Мюлинигъ и Трастъ (*входятъ справа*).

Мюл. (*прощаясь съ Трастомъ*). И такъ до завтра, до обѣда, графъ. А, вотъ и молодой человѣкъ! Добро пожаловать, добро пожаловать! (*жметъ ему руку*). Что, вы развѣ уже хотите сдавать отчетъ?

Роб. Я только хотѣлъ представиться вамъ. Мои бумаги еще не распакованы.

Мюл. Ну, ну, это вовсе не къ спѣху. Ты зачѣмъ здѣсь, Леонора?

Леон. Очень просто, мнѣ хотѣлось повидаться съ Робертомъ.

Мюл. Г-мъ. Но вѣдь ты знаешь, что мать звала тебя. Пойдите, молодой человѣкъ. У меня насчетъ васъ планы. Планы, да. Вы графъ, знаете, что отъ васъ у насъ нѣтъ секретовъ.

Тр. Вы гораздо лучше сговоритесь съ нимъ вдовикъ. Я подожду тебя здѣсь.

Леон. До свиданія, Робертъ. (*Жметъ ему руку*.)

Мюл. (*сердито*). Г-мъ! (*Мюлинигъ и Робертъ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Леон. Графъ, вы слышали... Я припужденъ удалиться.

Тр. Mademoiselle! (*Леонора идетъ къ двери. Онъ смотритъ ей въ слѣдъ. Когда она оборачивается, онъ съ усмѣшкой грозитъ ей пальцемъ*.)

Леон. (*сухо*). Что это значитъ, графъ?

Тр. Г-мъ. Собственно говоря, это... (*хлопаетъ въ ладоши*).

Леон. А что значитъ это?

Тр. Это значитъ... (*дѣлаетъ рукою рукопять*.) Враво!

Леон. (*строго*). Я васъ не понимаю, господинъ... А... а... (*смѣется, возвращается и протягиваетъ ему руку*). Я васъ понимаю.

Тр. (*беря ея руку обѣими руками*). Давно бы такъ.

Леон. *(снова сдержаннее.)* Графы!
 Тр. Mademoiselle. *(Леонора уходит.)* Что за прелестная дѣвушка! Отъ души желаю имъ обоимъ счастья. Она должна принадлежать ему.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Трастъ и Куртъ, Штенгель и Брандтъ *(входятъ)*.

Куртъ *(Штенгелю)*. Сибѣй, дружище, сибѣй. Иди. *(Трастъ взлядываетъ на него и узнаетъ его. Куртъ также узнаетъ его. Испуганнымъ, глухимъ голосомъ)*. Вы искали меня, милостивый государь?

Тр. Нѣтъ, но я очень радъ найти васъ здѣсь.
 Куртъ. Съ кѣмъ имѣю честь?

Тр. Графъ Трастъ.

Куртъ *(смущенно и очень въжливѣ)*. А, мы обязаны вашимъ посѣщеніемъ нашему..... вѣроятно дорожное знакомство... Нашъ господинъ...

Тр. Вы, вѣроятно, сынъ хозяина этого дома?

Куртъ. Pardon. Къ вашимъ услугамъ. И.... не правда ли, графъ? Мы оба настолько джентльмены, чтобы не вспоминать вчерашняго вечера?

Тр. Вы думаете?

Куртъ. Дѣвочка—очень мила, предоставьте мнѣ судить объ этомъ. Вашъ вкусъ, графъ, дѣлаетъ вамъ честь. Но вы видите сами, что право на моей сторонѣ. Надѣюсь, соперники съ вами имъ не будутъ.

Тр. Тѣмъ менѣе, что братъ этой дѣвушки мой лучший другъ.

Куртъ *(испуганъ. Собирается съ духомъ. Послѣ паузы)*. Что же вы думаете дѣлать?

Тр. Пока, я еще и самъ не знаю. Если мнѣ удастся освободить его отъ его воображаемыхъ обязательствъ передъ вашимъ дономъ и. если вы мнѣ въ этомъ поможете, то тогда, пожалуй, я стану молчать.

Куртъ. А если нѣтъ?

Тр. Ну, тогда это ужъ дѣло г. Хейнеке.

Куртъ. Неужели вы воображаете, что я стану драться съ своимъ прикащикомъ?

Тр. Съ вашимъ—что? Ахъ, да.....

Куртъ. Вы, графъ, можете поступать, какъ вамъ угодно.

Тр. Я всегда такъ и поступаю. Г. Хейнеке въ настоящее время, находится въ кабинетѣ вашего отца. Вы позволите мнѣ остаться здѣсь немого, чтобы сократить ваше свиданіе? Мнѣ хотѣлось бы не допустить, чтобы вы подали другъ другу руки.

Куртъ. Пожалуйста, пожалуйста.

Тр. Благодарю васъ. *(Поворачивается и разсматриваетъ на стѣнѣ картины. Куртъ взволнованный, отходитъ въ лубину)*.

Бр. *(Штенгелю)*. Что это съ нимъ? Если

я не ошибаюсь у насъ въ полку былъ какой-то графъ Трастъ, который очень скверно кончилъ. Подожди-ка.

Шт. *(боязливо)*. Неужели же ты хочешь къ нему подойти?

Бр. Почему же нѣтъ? Онъ меня очень интересуется. *(Подходитъ къ Трасту.)* Графъ, вѣроятно, предпочитаетъ одиночество?

Тр. *(оборачиваясь)*. Безъ сомнѣнія.

Бр. Это почти невѣжливо.

Тр. *(смотря на него удивленно)*. А-а ваше санолюбіе поимѣщается кажется на остріѣ моего господина... pardon.

Бр. Мое имя Лотаръ Брандтъ и я нахожу лишнимъ прибавить, что я поручикъ резерва кирасирскаго, имени кронпринца, полка.

Тр. *(очень въжливѣ)*. И только?

Бр. *(улыбаясь)*. И только, графъ.

Тр. Извините, но въ резервахъ служить только въ военное время. Когда я ѣхалъ сюда, я надѣялся застать здѣсь мирное время.

Бр. Вы ошибаетесь, графъ. Въ резервахъ служить также и во время практическихъ занятій.

Тр. Что же и я вамъ нуженъ для вашихъ практическихъ занятій?

Бр. Позвольте, графъ, предложить вамъ сначала одинъ вопросъ.

Тр. Съ удовольствіемъ.

Бр. Въ полку, къ которому я имѣю высшую честь принадлежать, служилъ когда-то молодой офицеръ, носившій вашу фамилію?

Тр. Да? Это, вѣроятно, былъ именно я самъ.

Бр. *(рызко)*. Этотъ офицеръ принужденъ былъ выйти изъ полка?

Тр. Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. *(Все время очень въжливѣ.)* И если вы, уважаемый, хотите этииъ выразить ваше желаніе не кланяться мнѣ на улицѣ, то я съ удовольствіемъ освобождаю васъ отъ поклоновъ. Я въ нихъ не нуждаюсь. *(Беретъ альбомъ и перелистываетъ его.)*

Шт. *(съ восторгомъ)*. Такъ ловко меня еще не обрывали. *(Подходитъ къ Трасту съ лубинимъ поклономъ.)* Позвольте..... моя фамилія Штенгель.

Тр. *(оборачиваясь)*. Чѣмъ могу служить?

Шт. Штенгель. *(Трастъ любезно кланяется и тихо разговаривается.)*

Куртъ *(переходя на авансцену, къ Брандтъ)*. Ты съ ума сошелъ. Вѣдь это же главный всемогущей фирмы Трастъ и К°! Что же ты хочешь разорить фирму своего отца?

Бр. *(испуганно)*. Что же ты мнѣ этого раньше не сказалъ?

Куртъ. Во всякомъ случаѣ, надо скорѣе исправить эту исторію.

Бр. Да, если ты найдешь приличный предлогъ.

Куртъ. Извините, графъ—мой другъ собирается...

Бр. Сожалѣть, это не совсѣмъ вѣрное выраженіе, милый Куртъ.

Куртъ (*закрикался*). То есть... онъ... онъ...

Тр. То-есть, вашъ другъ желаетъ считать нашъ разговоръ какъ бы не существовавшимъ?

Бр. Съ этимъ я еще готовъ согласиться, милый Куртъ.

Тр. И я готовъ идти навстрѣчу и желаю того же.

Куртъ. И такъ это недоразумѣніе можно считать поконченнымъ?

Бр. А я позволю себѣ выразить мое удовольствіе лично познакомиться съ графомъ, дѣятельность котораго я такъ привыкъ уважать съ давнихъ поръ.

Тр. (*очень вѣжливо*). Вотъ видите ли, г. поручикъ, мой вопросъ насчетъ вашего общественнаго положенія не былъ лишнимъ. Въ гражданскомъ смыслѣ мы прекрасно понимаемъ другъ друга. Господа, г. Брандтъ младшій, наследникъ уважаемаго торговаго дома Брандтъ и Штенгель, какъ я только что узналъ, дона, состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ которыми я считаю за большое удовольствіе, — прочелъ нѣтъ рѣматиссимо лекцію на тему о чести. Позвольте же мнѣ на нее отвѣтить publice. (*Садятся направо.*) Откровенно говоря, чести не существуетъ. (*Всеобщее изумленіе.*) Не пугайтесь. Это не такъ страшно.

Бр. Что мы называемъ честью?

Тр. То, что мы вообще называемъ честью, есть не что иное какъ тѣнь, которую мы отбрасываемъ, когда насъ освѣщаетъ лучъ свѣта общественнаго мнѣнія. Но самое дурное при этомъ то, что у насъ столько же различныхъ понятій о чести, сколько общественныхъ словъ и кружковъ. Какъ тутъ разобраться?

Бр. (*рѣзко*). Вы ошибаетесь, графъ, — существуетъ только одна честь, какъ существуетъ только одно солнце, только одинъ Богъ. Честь создается, или человѣкъ не принадлежитъ къ порядочнымъ людямъ.

Тр. Господа, нравственно все то, что считается нравственнымъ въ данной странѣ. Сверхъ того, въ основѣ понятія о такъ называемой чести лежатъ то, что она является достояніемъ лишь немногихъ, лишь небольшой кучки полубоговъ, потому что она — роскошь, которая теряетъ свою цѣну, по мѣрѣ того, какъ она дѣлается достояніемъ толпы.

Куртъ. Но, позвольте, графъ, вѣдь это парадоксъ. Вѣдь каждый можетъ быть человѣкомъ чести.

Тр. Совсѣмъ напротивъ, такъ какъ тогда любой изъ обитателей задняго двора могъ бы явиться сюда и потребовать къ себѣ уваженія, какъ къ джентльмену. (*Куртъ оскорбляется.*)

Бр. Если онъ безупреченъ въ своихъ поступкахъ, то онъ и есть джентльменъ.

Тр. Г-мъ? Да? Вы позволите мнѣ рассказать

вамъ краткую исторію? Но я боюсь, утомить васъ, господа...

Бр. и Шт. (*вмѣстѣ, смѣясь*). Нѣтъ, нѣтъ.

Тр. Дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ южной Америкѣ. Аристократія тамъ состоитъ изъ испанцевъ, а простой народъ изъ негровъ, индѣйцевъ, метисовъ и разнаго сброда. Одинъ изъ смѣшанной расы, по имени, г-мъ... г-мъ... Пепе, попалъ случайно въ Испанію, гдѣ и (*сдуваетъ пылинку съ рукава*) пристало къ нему кастильянское понятіе о чести.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Робертъ (*выходитъ незамѣтно изъ кабинета и прислушивается*).

Тр. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ возвратился, то нашелъ свою только что разцвѣтшую сестру — въ черзчуръ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ молодымъ аристократомъ. Господа, не станемъ возмущаться. Для дѣвушки ея среды это и было настоящее назначеніе. Но молодой человѣкъ осмѣлился потребовать отчета отъ ея любовника, какъ будто онъ былъ рожденъ не метисомъ, а какимъ нибудь гidalго.

Куртъ (*тихо*). Слушайте, слушайте, это по моему адресу.

Тр. Какъ вы видите, господа, это было сумасшествіе. Съ нимъ и обошлись какъ съ сумасшедшимъ, но тутъ то и обнаружилась его настоящая натура. Какъ бандитъ, подкараулилъ онъ молодого аристократа и застрѣлилъ его. Понятно, что его приговорили къ повѣшенію, но даже и передъ казнью этотъ дуракъ.... Пепе, кажется, звали его, — продолжалъ стоять на своемъ, что онъ умираетъ за свою честь. Ну, развѣ же это не смѣшно, господа?

Роб. Ты ошибаешься, мой другъ, этотъ дуракъ былъ правъ. Я бы на его мѣстѣ поступилъ бы также. (*Все встаютъ.*)

Тр. Ахъ, вотъ наконецъ и ты. (*Быстро идетъ къ нему и говоритъ тихо.*) Ты никого здѣсь не знаешь. Не осматривайся. Пойдемъ.

Роб. (*тихо*). Это не Куртъ тамъ?

Тр. Здѣсь все только чужіе. Пойдемъ. Извините, господа, мы торопимся. До свиданія!

Бр. (*Курту*). Теперь я его поймаю (*шпрохко*). Позвольте, графъ, предложить вамъ еще одинъ вопросъ. (*Отчеканивая.*) Если вамъ угодно отбросить понятіе о чести, чѣмъ же, по вашему, должны замѣнить ее люди чести?

Тр. (*выпрямляясь*). Долгомъ, молодой человѣкъ. (*Весело.*) Конечно, это не совсѣмъ удобно.... (*Кланяясь.*) Господа!...

Куртъ. Вы сдѣлали большую честь нашему дому, графъ.

Роб. Винавать, вы г. Куртъ Мюлингъ?

Нуртъ. Да, это я.

Роб. (смущенно.) Какъ—н?.....Да, я за-
былъ....Вы меня, кажется, не узнаете....Я....
(Идетъ къ нему съ протянутой рукой.)

Тр. (становясь между ними). Ты не по-
дашь руки этому господину

Роб. (дико озирается на Курта, потомъ
на Траста, потомъ снова на Курта, вскри-

киваетъ). Прошу у васъ объясненія.... г. Ми-
лингъ .... съ глазу на глазъ.

Нуртъ. Какъ видите, теперь я занятъ, но
черезъ часъ я къ вашимъ услугамъ.

Роб. И такъ черезъ часъ, г. Мюлингъ?!

Тр. (про себя). Онъ понялъ все.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорация 1 дѣйствія.

На столѣ горитъ лампа. Разсвѣтъ. На заднемъ планѣ, съѣвъ, приготовленная, не смятая
постель, подлѣ нея чемоданъ. Робертъ сидитъ у стола, опустивъ голову на руки.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Робертъ и Хейнеке-мать (въ ночномъ чепчикѣ
и шерстяной юбкѣ).

Мать. Съ добрымъ утромъ, сыночекъ (Робертъ
не отвѣчаетъ.) Господи, да онъ и не ложился.
(Подходитъ къ нему, утирая слезы.)

Роб. (вскакиваетъ, кричитъ). Что такое!?
Что тебѣ!?

Мать. Господи, какъ онъ кричитъ на меня!
У тебя зубъ на зубъ не попадаетъ, холодно тебѣ?
Хочешь выпить кофейку? (Робертъ отказы-
вается.) Берн, сыночекъ, пришѣрь съ своей ста-
рой матери. Какое горе ни будь, а спать все
такъ нужно, сонъ силъ прибавляетъ. (Гаситъ
лампу!)

Роб. Мама, мама, что вы надѣлали!?

Мать (плача). Не виноваты мы, сыночекъ...

Роб. Не виноваты?! О, мама...

Мать. Я ее въ честности воспитывала. Она
никогда дурного прихѣра у насъ не видала.
Я заставляла ее и въ школу ходить, даже кон-
фирмоваться заставляла, хотя въ этомъ те-
перь и нѣтъ надобности. Къ причастію я ее
одѣла въ новое черное репсовое платье. Я его
на дешевкѣ купила... а въ руки ей дала мой
вѣнчалый носовой платокъ... а пасторъ го-
ворилъ такъ трогательно... такъ трогательно...

Роб. Какъ могла ты допустить ея знако-
ство съ этимъ баринномъ?

Мать. Можеть, еще дѣло поправимое...

Роб. Какихъ же тебѣ еще нужно доказа-
тельствъ, развѣ онъ не сознался мнѣ во всемъ
съ самой дерзкой откровенностью?!... Развѣ
сама Альма отрицала?... И въ довершеніе
всего я вчера вечеромъ самъ былъ у Михаль-
скихъ. Твоя милая дочка, Августа, сама устро-
ила мнѣ тайное гнѣздышко... Ей платили за

это... Ха, ха, ха! Негодяй былъ вчера въ моихъ
рукахъ... О, если бъ я только могъ успокоить
свое сердце!

Мать Но, Робертъ...

Роб. Молчи! Онъ обѣщалъ дать мнѣ удово-
твореніе, хотъ этого-то я достигъ по крайней
мѣрѣ. Онъ видѣлъ, что я готовъ на все. Онъ
далъ слово сегодня же дать удовлетвореніе и
мнѣ, и всѣмъ вамъ. Я подумалъ о будуще-
сти несчастной дѣвочки и оставилъ его въ
покоѣ.

Мать. Не думала я никакъ, что это можетъ
такъ скверно кончиться.

Роб. Ты должна была это предвидѣть. Что
же думала ты, когда видѣла, какъ онъ про-
вожалъ ее поздно ночью?!

Мать. Какъ уснешь, такъ ничего и не ду-
маешь. Да у нихъ былъ и свой ключъ отъ двери.

Роб. Да, вѣдь, не могла же ты не понимать,
что если они возвращаются вѣсть, то должны
же они встрѣчаться гдѣ-нибудь въ городѣ?

Мать. Ну да я и думала, что она съ нимъ
гуляетъ.

Роб. Я не понимаю тебя, мама.

Мать. Что она просто съ нимъ прогуливается.

Роб. Да вѣдь ты сказала...?

Мать. Ну, какъ обыкновенно дѣвушки съ мо-
лодыми кавалерами гуляютъ.

Роб. Гуляютъ? Какъ гуляютъ?

Мать. Ну, въ концерты ходятъ, или въ ресто-
раны, если деньги есть, въ театры, а лѣтомъ
въ Груневальдъ, въ Трепто...

Роб. Однѣ?

Мать. Однѣ? (Прищелкиваетъ языкомъ.)
Нѣтъ, съ молодыми кавалерами.

Роб. Я хотѣлъ сказать: безъ родныхъ?

Мать. Понятное дѣло. Что же по твоему я
старуха, на своихъ слабыхъ ногахъ, за мо-
лодыми кавалерами должна?

Роб. Гм... такъ, стало быть, ты знала, что она повсюду съ нѣмъ бываетъ?

Мать. Нѣтъ, я это только предполагала.

Роб. Не спрашивала ты ее?

Мать. Къ чему же спрашивать-то? Отъ этого только лишніе разговоры. Дѣвушка сама должна знать, что она дѣлаетъ.

Роб. Такъ, такъ.

Мать. Ну, чтобы она... Охъ, кто бы подумать могъ... Господи, какъ ты дрожишь. Я тебѣ сейчасъ комнату протоплю. (*Идетъ къ печкѣ.*)

Роб. (*про себя*). Никакого выхода, никакого спасенія... Позоръ, на всю жизнь одинъ позоръ!

Мать (*кричитъ въ кухню*). Старикъ, принеси скорѣе кокса. (*Становится на колѣни передъ печкой и выребаетъ золу.*)

Роб. И про какое удовлетвореніе онъ говорилъ? Женитьба? Ха, ха, ха! И если сказать откровенно... долженъ ли я желать этого. Пожалуй, въ концѣ концовъ, мнѣ останется—дуэль. Если онъ меня убьетъ, я буду чистъ, но что станетъ съ этими, здѣсь...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Хейнеке (*въ драгомъ халатѣ, войлочныхъ туфляхъ, вносятъ коробъ съ кокомъ*).

Хейн. (*мучо*). Добраго утра.

Роб. Добраго утра, отецъ.

Хейн. (*бормочетъ*). Да, да...

Мать. Не ворчи, старикъ. Помоги мнѣ огонь развести.

Хейн. Да, да, стало быть, будемъ огонь разводять. (*Становится передъ печкой на колѣни.*)

Роб. (*про себя*). А если я убью его?! Правда, это было бы удовлетвореніемъ, но останется открытыиъ вопросъ, что станетъ съ этими... здѣсь... Я боюсь, что я не могу позволить себѣ такой роскоши, какъ личная честь. (*Вскрикиваетъ.*) Ахъ, какъ я грязенъ!

Хейн. Болитъ у тебя что, сынокъ?

Мать (*тихо*). Все изъ-за Альмы. Онъ даже и спать не ложился сегодня.

Хейн. Да, да... Альма... Отъ этого честному челоѣку посѣдѣть можно... Я всегда говорилъ... Хозяйская семейка принесетъ намъ несчастье.

Мать. Не плачь, старикъ. (*Обнимаются.*)

Роб. (*про себя*). Ну какъ тутъ сердцу не разорваться?

Хейн. Ахъ, я не плачу... Я господинъ въ своемъ домѣ... Я знаю, что мнѣ дѣлать. У бѣднаго калѣки тоже есть своя честь! Погодите! Дочка моя... ну она меня узнаетъ. (*Размахивая кочергой.*) Прокляну я ее, вотъ что.

Мать (*оправляя постель*). Ну, ну.

Хейн. Ну, ты... много ты понимаешь о чести. (*Ударяетъ себя въ грудь.*) Вотъ гдѣ она, честь моя. Я на улицу выгоню дочку-то, ночью, въ непогоду.

Роб. Чтобы она тамъ совсѣмъ ужъ погибла, отецъ?

Мать. Оставь его. Пусть его болтаетъ.

Роб. Посмотри, гдѣ она теперь. Она, вѣрно, боится на глаза показаться?

Мать. Должно быть, спать.

Роб. О!

Мать (*идетъ къ двери*). Альма! (*Отътаптываетъ.*)

Роб. О, Господи! Не нужно было оставлять ее одну.

Мать (*отворяя дверь*). Ну, вотъ, я же говорила,—она спитъ.

Роб. И она еще можетъ спать?

Мать. Встанешь ты, дрянная дѣвчонка?

Хейн. (*сзади ея*). Ну, вставай, а то я тебя палкой подниму.

Роб. Отецъ, мама, скорѣе, прежде чѣмъ она придетъ, слушайте... не обращайтесь съ ней строго, это легко можетъ ее озлобить.

Мать. Ты, сынокъ, умный, куда умнѣй своей старой матери, ну, а про это я лучше тебя понимаю. Пусть мое сердце надорвется, а ея я теперь какъ въ острогѣ буду держать. Картофель чистить, комнаты убирать, лѣстницу мыть, вотъ что я ее теперь заставляю.

Роб. А если она отъ васъ почью сбѣжитъ?

Хейн. Фа, въ заперти она сидѣть будетъ, а ключъ я себѣ въ карманъ... Ну ка, какъ она тогда сбѣжитъ?

Роб. Подумайте, вѣдь она еще почти ребенокъ! Другіе больше ея виноваты. Сестра родная... А, если ужъ быть къ кому строгимъ, такъ къ этой сважѣ... Я надѣюсь, что это-то я могу отъ васъ потребовать, чтобы вы разъ навсегда вырвали Альму изъ-подъ ея вліянія и чтобы Августу и ея мужа вонъ выгнали.

Хейн. Вѣрно. Разъ навсегда надо отдѣлаться отъ этой дряни. Михальскій мнѣ ужъ давно опротивѣлъ. Вотъ, видишь ли, старуха, Роберту надо было изъ Индіи вернуться, чтобы насъ наконецъ вразумить! Вамъ, вѣдь, до меня, почтеннаго старика, нѣтъ никакого дѣла...

Роб. Прости, отецъ, но тутъ дѣло не въ тебѣ.

Хейн. Все равно. А Августа—лизоблюдка, все готова стащить, что подъ руку попадетъ.

Мать (*утирая платкомъ глаза*). Но, вѣдь, и она тоже мое дитя. Я своихъ дѣтей одинаково люблю.

Роб. Если они и не стоятъ твоей любви, мама?

Мать. Тутъ-то еще больше.

Роб. Тише!... Альма.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ-же и Альма (въ блѣлой ночной кофть и блѣлой юбкѣ, съ распущенными волосами, нерешительно выходитъ изъ своей комнаты и боязливо смотритъ то на одного, то на другого).

Хейн. О-го!

Мать (ломая руки). Дочка, дочка, такъ-то ты васъ отблагодарила? Нешто я тебя не наставляла, не учила? Нешто я тебя не вырастила, какъ принцессу какую? Ну, а теперь ужъ basta! Чего стоишь? Тащи вѣнчикъ! Мети горницу! (Альма, пожимая плечами, проходитъ въ кухню.)

Хейн. (быстро ходитъ изъ угла въ уголъ). Я твой старый отецъ, я тебѣ скажу, я тебя родилъ... Да! Я старый почтенный старикъ. Да, я, я... (Альма появляется въ дверяхъ съ вѣнчикомъ и лопатой.)

Роб. Какъ трогательна она въ сознаниіи своей вины и она...!

Мать. Ну, что же, скоро ты?

Хейн. (торжественно.) Альма, дочь моя, подойди ближе, еще ближе, еще...

Альма. Ради Бога, ради Бога, не бей меня.

Хейн. Это еще самое меньшее, что тебя ожидаетъ. — Я старый, честный человѣкъ. Да, вотъ гдѣ честь моя.. Знаешь ты, что я сейчасъ сдѣлаю? Прокляну тебя, вотъ что. Ну-ка, что ты скажешь?

Альма. Ахъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ.

Хейн. Ты что это упрямиться хочешь? Нѣтъ, ты меня узнаешь, ты...

Мать. Старикъ, успокойся, ей нужно работать.

Хейн. Что? Я не смѣю проклясть свою негодную дочь?

Мать. Ахъ, батюшки, да, вѣдь, это только въ романахъ бываетъ.

Хейн. Фа!

Роб. Мои дорогие родители... нельзя такъ дальше, сдѣлайте мнѣ одолженіе и оставьте насъ съ нею на минутку вдвоемъ.

Мать. Пойдемъ, старикъ.

Хейн. Я не смѣю пою негодную дочь...? Ну, подожди-жь ты. (Мать тянетъ его за собою. Оба уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Роб. (про себя). Я дознаюсь, кто она теперь и что мнѣ дѣлать. (Мяко.) Подойди ко мнѣ, сестренка.

Альма. Мать мнѣ велѣла комнаты подмести.

Роб. Успѣешь еще. (Беретъ ее за руку, она вырывается.) Бояться тебѣ нечего, — ни бить, ни проклинать тебя я не стану. Знай, что съ этихъ поръ у тебя есть вѣрный другъ, который охранитъ тебя.

Альма. Ты слишкомъ добръ...слишкомъ добръ. (Вскликивая, падаетъ передъ нимъ на колѣни.)

Роб. Ну, ну, только не на колѣни, сядь на скамейку. Такъ. (Садится около въ креслѣ.) Сядь такъ, чтобы я могъ смотрѣть тебѣ прямо въ глаза. (Хочетъ поднять ея голову. Она прячетъ лицо въ его колѣни.) Ты, стало быть, не хочешь, ну такъ стой, пожалуй, такъ и плачь, и не прогонишь тебя. И много еще дней и ночей проплачешь ты, пока наконецъ поймешь, что изъ тебя сдѣлали. Скажи, пожалуйста, неужели ты не сознаешь, что тебѣ придется раскапывать всю свою жизнь?

Альма. Да, я это сознаю...

Роб. (беретъ ея голову обѣими руками). Да, да, сестра. Ну, вотъ, на чужбинѣ я устроивалъ твое счастье...десять долгихъ лѣтъ...А теперь и 20-ти будетъ мало, чтобы позabyть это несчастье.

Альма. Да вѣдь черезъ 20 лѣтъ я уже старухой буду.

Роб. Старухой? Такъ что-жь. Длиннасть обоня уже больше не существуетъ юности.

Альма. О, Господи!

Роб. (вскликивая въ волненіи). Не бойся, я останусь съ тобой. Мы спрячемся въ какой-нибудь норѣ, какъ травленные звѣри. Да мы и на самоѣ дѣлѣ таковы: надъ нами насѣялись, васъ гнали, травили, разрывали на куски. (Альма прячетъ свое лицо въ другое кресло.) Ну, вотъ видишь-ли, теперь мы можемъ помочь другъ другу, ты — мнѣ, а и тебѣ. (Про себя.) Какъ она убивается! Боже, мнѣ дѣлается все яснѣе, что тутъ нужно дѣлать. Непорочную дѣтскую душу, затанную мнѣ въ грязь, онъ мнѣ возвратитъ не можетъ, а другого удовлетворенія мнѣ не нужно. Альма!

Альма (приподнимаясь). Что?

Роб. Ты его очень любишь?

Альма. Кого?

Роб. Кого?—Его.

Альма. О, да.

Роб. Если бы ты его совсѣмъ потеряла, что... ты бы тогда совсѣмъ погибла?

Альма. О, нѣтъ.

Роб. Такъ, совершенно вѣрно. Будь тверда... Нужно учиться забывать... Да, нужно учиться... (Садится.) Прежде всего ты должна вновь приняться за работу. Что ты должна покончить съ своими руладами, это понятно само собой. Ты, вѣдь, училась портняжному ремеслу?... Только не поступай опять въ нагазникъ... Тамъ только одни соблазны и дурные примѣры.

Альма. Ахъ, да, эти подлистки—такія скверныя.

Роб. Не слѣдуетъ ни въ кого бросать камнями, а тебѣ и подавно. Куда мы пере-

— Идемъ, я и самъ еще не знаю. Если мнѣ удастся переташить и стариковъ, то я увезу всѣхъ васъ куда-нибудь, лишь-бы вонъ отсюда, и тамъ ты должна принадлежать только мнѣ... мнѣ и работѣ...! Повѣрь мнѣ, что въ усталости отъ работы—уже половина счастья. Старики, конечно, будутъ жить съ нами, а ты должна мнѣ помогать заботиться объ нихъ. Занимаясь шитьемъ, ты будешь въ то же время вести хозяйство. Ты станешь ихъ покорить и будешь терпѣливо переносить ихъ капризы... Хочешь ты?

Альма Если ты хочешь.

Роб. Нѣтъ, ты сама должна этого хотѣть... съ радостью. Иначе на это не будетъ Божьяго благословенія, я спрашиваю тебя еще разъ: хочешь ты?

Альма. Да... Съ завтрашняго дня я на все согласна.

Роб. Вотъ это такъ. Но почему же съ завтрашняго дня, а не сегодня?

Альма. Потому что сегодня я еще...

Роб. Что такое?

Альма. Ахъ, ну, пожалуйста, пожалуйста..

Роб. (*дружески*). Ну, ну договаривай, договаривай.

Альма. Мнѣ бы хотѣлось — сегодня, ахъ очень бы хотѣлось — побывать въ маскарадѣ. (*Долгое молчаніе. Нѣмая сцена. Робертъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Альма встаетъ.*) Да? Можно?

Роб. Позови стариковъ.

Альма. Стало быть, нельзя? (*Слезливо.*) Даже этого... даже на прощаньи нельзя себя до- ставить этого маленькаго удовольствія.

Роб. Да ты понимаешь, что ты говоришь? Ты...

Альма (*капризно*). Я очень хорошо понимаю, что я говорю. Я вовсе не такая дура, я знаю, какъ люди живутъ. Къ чену ты такъ горячишься? Развѣ же не глупо сидѣть здѣсь ни за что, ни про что... На этомъ дворѣ ни солнца, ни мѣсяца никогда не видно... а кругомъ только сплетни да руготня... и никто объ образованности и понятія-то не имѣетъ... и отецъ ругается, и мать ругается и... и всѣ пальцы себѣ до крови исколешь за шитьемъ... и всего на всего получишь 50 пфениговъ въ день, да этого и на керосинъ не хватитъ. А между тѣмъ я и молодая, и хорошенькая... И повеселиться мнѣ хочется, и одѣться хочется получше... Мнѣ бы очень хотѣлось попасть въ другое общество... потому что я всегда имѣла склонность къ высшему кругу. Да, да, это всегда во мнѣ было... Я всегда любила объ этомъ въ книжкахъ читать... А насчетъ того, чтобъ замужъ... Ахъ, Господи, да за кого же выходить? За какого-нибудь паршивца фабричнаго выходить я вовсе не намѣрена. Они только и знаютъ, что пьян-

ствовать, да драться. Мнѣ нуженъ мужъ образованный, а нѣтъ такого, такъ и никакого не надо. Куртъ всегда былъ со мной хороши. Онъ никогда меня никакими северными словами не училъ, я мнѣ здѣсь выучилась. Я и сама хочу отсюда вонъ... да и вовсе мнѣ покровительства твоего совсѣмъ не надо. Такія, какъ я, не пропадаютъ.

Роб. (*кидается на нее, но останавливается*). Позови, стариковъ.

Альма. А теперь я отца спрошу, можетъ быть, онъ... (*Робертъ кидается къ ней съ угрозою.*) Да иду, иду. (*Уходитъ.*)

Роб. Такъ! Такъ вотъ она какая. Ахъ, какой я плаксивый дуракъ. И я думалъ дѣйствовать добрыми словами на эту грубую среду. Нѣтъ, тутъ дѣло не въ соблазнѣ, не въ искушеніи, это въ крови. Теперь я стану дѣйствовать безсердечно, грубо... все равно... иначе все потеряю.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Робертъ, Хеймене, Мать и Альма.

(*Мать толкаетъ передъ собой Альму. Хеймене входитъ съ свирѣпымъ лицомъ.*)

Хейн. Этакое безстыдство!

Мать. На маскарады нужны деньги, теперь дома сиди.

Хейн. Ну, развѣ же ты не заслуживаешь моего проклятія?! Я проклинаю тебя еще разъ, крыса ты этакая!

Роб. Альма, выйди вонъ, мнѣ нужно поговорить со стариками.

Мать. Да не болтайся ты такъ, накинь хоть платышко-то на себя, сѣрое, штонанное.

Альма. Эго старое-то?

Хейн. Вонъ!

Мать. И не смѣй кофей пить. Ну, ну не вой. (*Тихо.*) Онъ на плитѣ стоитъ. (*Альма уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Роб. Отецъ, мама... не сердитесь на меня... я долженъ вамъ... Въ вашей жизни должна... и будетъ... большая перемена...

Хейн. Что такое?

Роб. Я убѣдился окончательно, что Альма погибнетъ безвозвратно, если ее не поставитъ въ другія условія, которыя исключали бы всякую возможность для нея возврата къ прошлому. Но что же станетъ съ вами? Однихъ васъ оставить нельзя, иначе васъ Михальскіе оберутъ. Одними словомъ, вы тоже должны уѣхать со мной.

Мать (*съ ужасомъ*). Въ Индію?!

Роб. Все равно куда, можетъ-быть, даже и

въ Индію. Вліяніе Траста простирается далеко. Мы въ такомъ положеніи, что можемъ выбирать. Хейн. (*капризно*). Если такъ, то только въ Индію.

Мать. У меня голова кругомъ пошла.

Роб. Это тяжело для васъ. Я и самъ это вижу. Но не отказывайтесь, пожалуйста. Это только кажется страшно. Подъ тропиками жить гораздо удобнѣе, чѣмъ здѣсь... Вы будете нѣтъ прислуги столько, сколько захотите.

Хейн. О, чертъ возьми!

Роб. И свой собственный домъ.

Хейн. И пальмы?

Роб. Больше, чѣмъ вамъ нужно.

Мать. И можно самимъ собирать съ деревьевъ лучшіе фрукты?

Роб. Можно приказать ихъ собирать.

Мать. И это ничего не стоитъ?

Роб. Почти что ничего.

Хейн. И попугаи тамъ летаютъ?... И обезьяны, какъ въ зоологическомъ?

Роб. Такъ вы согласны?

Мать. Какъ ты, старикъ.

Хейн. Ну, что-жъ пожалуй, ѣдемъ.

Роб. Благодарю васъ, благодарю. (*Въ сторону.*) Слава Богу, что мнѣ не пришлось ихъ принуждать. (*Громко.*) Только не надо терять времени. Гдѣ перо и бумага? (*Хейнке задумчиво чешетъ затылокъ.*)

Мать. У Альмы, должно-быть. (*Идетъ въ комнату Альмы.*)

Хейн. Конечно, она постоянно письма пишетъ. (*Закрываетъ дверку пачки.*)

Роб. (*про себя, облегченно вздыхая.*) А-ахъ! Ну, теперь меня вдвойнѣ интересуетъ каково то удовлетвореніе, которое онъ мнѣ предложить и которое я отклоню.... Отклоню, какъ и дуэль. Они будутъ считать меня трусомъ и безчестнымъ. Ахъ, что-жъ... Мнѣ не нужна ихъ честь, мнѣ нужно зарабатывать мой кусокъ хлѣба.

Мать (*возвращаясь*). На столѣ тамъ все готово. Или ты, можешь-быть, здѣсь хочешь?

Роб. Нѣтъ, нѣтъ, тамъ мнѣ мѣшать не будутъ.

Мать. Ты очень усталъ. . хоть бы поспалъ часокъ!

Роб. (*качая головой*). Если г. Мюлингъ пришлетъ ко мнѣ или самъ пожалуетъ—позовите меня. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Мать (*опускаясь на стулъ*). Въ Индію.

Хейн. Насъ старыхъ, почтенныхъ людей тащить кругомъ свѣта.

Мать (*смотря въ окно*). Батюшки!

Хейн. Что такое?

Мать. Михальскіе.

Хейн. Что? Они? (*Застегиваетъ куртку.*) Ну, ужъ проучу-жъ я ихъ! (*Стучатъ.*)

Хейнке оба (*тихо*). Войдите.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же, Августа и Михальскій.

Мих. (*со сверткомъ*). Съ добрымъ утромъ.

Мать. Т-съ.

Хейн. (*прозя кулакомъ*). Вотъ я васъ! Убейтесь вонъ сію минуту!

Авг. (*садится*). Какъ свѣжо сегодня на улицѣ.

Мих. (*садится и разворачиваетъ бутылку*). Вотъ я тебѣ наливки принесъ. Эта такая, что просто пальчики оближешь. Дай-ка штопоръ.

Мать. Въ другой разъ. Теперь мы, вѣдь, должны васъ вовъ выгнать.

Авг. Кто же это сказалъ?

Мать. Т-съ—Робертъ.

Авг. Что? Вы ему у себя командовать позволяете?!

Хейн. (*тихо*). Тише, онъ, вѣдь, рядомъ, въ той комнатѣ.

Авг. (*съ сожалѣніемъ*). Вѣднй отецъ, онъ даже дрожитъ со страха.

Мих. Такъ обращаться съ бѣдными, честными людьми. Мерзавецъ!

Мать. Онъ не мерзавецъ, онъ притѣренъ сынъ, онъ объ насъ заботится.

Хейн. Хотъ и хочеть насъ въ Индію тащить.

Мих. } (*вмѣстѣ*). Что?! Куда?!

Авг. }

Мать. Въ Индію.

Авг. Это почему?

Мать. Да потому только, что Альмѣ въ на-скарадъ захотѣлось.

Мих. Да онъ съ ума сошелъ.

Мать. И изъ-за этого нужно бросать и нашу мебель, красоту всей квартиры.

Авг. (*сентиментально*). И меня, несчастную, вы тоже покинете?! Вы мебель-то продавать что-ли будете?

Мать. Мебель-то? (*Августа киваетъ головой.*) Поневоля придется.

Авг. И зеркало? И кресла? (*Мать утвердительно киваетъ головой. Августа тропательно.*) Я бы на вашемъ мѣстѣ, вѣсто того, чтобы отдавать ихъ за ничто, подарила бы на память вашей дочери, которая сиротой останется. Вотъ тогда бы вы могли быть увѣрены, что ихъ бы стали беречь, какъ слѣдуетъ.

Мать (*мѣрятся ее недоверчивымъ взглядомъ, потомъ тихо Хейнке*). Слышишь, старикъ, она ужъ подбирается къ кресламъ-то.

Авг. (*поправяясь*). Ну, если вы хотите продать, такъ мы вамъ всегда заплатимъ хорошую цѣну, чтобы все это, по крайней мѣрѣ, оставалось въ роду.

Хейн. Да постой, вѣдь мы еще не узнали.

Мих. Я бы на вашемъ мѣстѣ...

Мать. Ну, что же намъ дѣлать. Мы отъ него во всемъ зависимъ. Куда онъ намъ велитъ,

туда мы и ѣхать должны. Или къ вамъ на шею сѣсть?

Авг. Намъ и самимъ ѣсть нечего. *(Стучатъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же и Мюлингъ. *(Всѣ испуганно вскакиваютъ съ мѣста.)*

Мюл. Съ добрымъ утромъ, любезнѣйшіе. Сынъ вашъ дома?

Хейн. *(съ достоинствомъ)*. Какъ-же, какъ же, дома.

Мать *(отворяя дверь)*. Робертъ *(Нѣжно.)* Ахъ, Господи, да онъ заснулъ на стулѣ... Онъ, вѣдь, всю ночь не спалъ... Робертъ... Г. Мюлингъ... Нѣтъ, спитъ крѣпко.

Мюл. *(привѣтливо)*. Да?.. Ну тѣмъ лучше, не будите его.

Хейн. Закрой дверь.

Мать *(тихо)*. Да вѣдь онъ же велѣлъ...

Хейн. Онъ говорилъ про молодого хозяина. *(Закрываетъ дверь.)*

Авг. *(мужу)*. Посмотри, что будетъ.

Мюл. *(оглядывая комнату)*. Да у васъ тутъ, любезнѣйшіе, очень мило.

Хейн. *(съ достоинствомъ)*. Не благоудно ли будетъ вамъ присѣсть... вотъ на это кресло.

Мюл. Ай, ай,—настоящій шелкъ.

Мать. Да, это настоящій шелкъ.

Мюл. Подарокъ, вѣроятно, чей-нибудь?

Мать *(запинаясь)*. Да... такъ сказать...

Мюл. *(съ беззаботнымъ видомъ)*. Моего сына?

Хейн. } *(вмѣстѣ)*. Да.

Мать. } Т-съ.

Мюл. *(въ сторону)*. Негодяй. *(Громко.)* Кстати, вашъ милый сыночекъ обошелся не совсѣмъ тактично съ своимъ сыномъ. Откровенно говоря, я ждалъ совсѣмъ иной благодарности. Вы можете ему передать, что я его увольняю и жду отъ него отчета до 4 часовъ дня.

Мать. Ахъ, онъ будетъ очень горевать объ этомъ.

Хейн. Онъ любитъ васъ, какъ отчародного.

Мюл. Да? Это меня очень радуетъ, но я не затѣмъ пришелъ къ вамъ, любезнѣйшіе... У васъ есть дочь.

Авг. *(пробираясь впередъ)*. Къ вашимъ услугамъ.

Мюл. Чѣмъ могу служить?

Авг. *(съ достоинствомъ)*. Я дочь.

Мюл. Да? Очень радъ, очень радъ. Но я не о васъ говорю. Ту дѣвицу зовутъ Альмой.

Мать. Совершенно вѣрно. И сказать правду, она прехорошенькая.

Хейн. И съ талантомъ. Мы ее въ пѣвицы готовимъ.

Мюл. Ахъ, всегда пріятно видѣть, когда дѣти радуютъ своихъ родителей. Только вотъ одно мнѣ не нравится: что ваша прелестная дочка воспользовалась своимъ пребываніемъ въ этомъ

домѣ, гдѣ я позволилъ вамъ жить цѣлыхъ 17 лѣтъ, чтобы вступить въ нѣжныя отношенія съ своимъ сыномъ. Откровенно говоря, я ждалъ иной благодарности.

Мать. Но, господинъ хозяинъ.

Мюл. Чтобы прекратить всякія отношенія между вашей семьей и моею, я предлагаю вамъ отступное, которыми вы, любезнѣйшій Хейнке, подѣлитесь съ вашей дочкой, такъ, чтобы половина послужила ей приданымъ, коль скоро она найдетъ кого-нибудь, кто-бы... *(Усмѣхаясь.)* А до тѣхъ поръ капиталъ будетъ въ вашемъ распоряженіи. Что же, вы согласны?

Авг. *(тихо сзади)*. Говори: да-да.

Хейн. Я... я...

Мюл. Я назначилъ необычайно высокую цифру, чтобы только получить назадъ то недуманное обѣщаніе, которое вашъ милый сыночекъ съумѣлъ вырвать вчера у моего сына. Эта цифра простирается до *(медлитъ и проматываетъ слова)* 50 т. марокъ.

Хейн. *(съ крикомъ)*. Господи, хозяинъ, да неужто-жъ въ самомъ дѣлѣ?!

Мать. Батюшки, нѣ дурно.. *(Опускаясь на стулъ, Августа ее поддерживаеъ.)*

Мюл. *(въ сторону)*. Слишкомъ много.... *(Громко.)* Я спрашиваю васъ еще разъ довольно вамъ 40 т. марокъ?

Мих. Вы, кажется, раньше сказали...

Авг. *(толкая отца тихо)*. Говори скорѣе да, а то онъ еще убавитъ.

Хейн. Я вѣрить не могу, хозяинъ, даже и 40. Такихъ денегъ и на свѣтѣ то не бываетъ. Это глупости! Покажите мнѣ деньги.

Мюл. Они готовы для васъ въ конторѣ.

Хейн. А кассиръ не велитъ меня по шеямъ прогнать. Скажетъ, я сумасшедшій. О, кассиры бываютъ грубы съ нами, бѣдными людьми. *(Мюлингъ вынимаетъ книгу ордеровъ, списываетъ, отрываетъ и передаетъ Хейнскъ. Всѣ бросаются и внимательно разсматриваютъ ордеръ.)* 40 тысячъ! Это такъ благородно съ вашей стороны, хозяинъ, такъ благородно! Дайте мнѣ вашу руку.

Мюл. *(прячетъ руки въ карманъ)*. Еще одно—завтра вечеромъ я пришлю вамъ мебельную фуру, и черезъ 2 часа вы потрудитесь очистить мой домъ. И затѣмъ, я надѣюсь, что я о васъ больше никогда не услышу.

Хейн. Не говорите такъ, хозяинъ. Если вамъ не будетъ въ тягость визитъ стараго, почтеннаго человѣка, то я охотно буду доставлять иногда себѣ это удовольствіе. Да, я старый честный человѣкъ.

Мюл. Ну, конечно. Прощайте, любезнѣйшіе. *(Въ сторону.)* Сволочь! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Хейн. Мать, 40 т.! *(Михальскій хочетъ его обнять.)* Три шага назадъ, зятекъ! *(Ищетъ)*

по карманамъ, вынимаетъ носовой платокъ, раскладываетъ его на кольяхъ, бережно заворачиваетъ въ него ордеръ и прячетъ во внутренний карманъ.) Такъ. Ну, теперь ты можешь пѣшничать.

Мать. Я просто сама не своя отъ радости (Обнимаются, съ плачемъ.) Какъ подумаю, что теперь мнѣ ужъ не придется безъ денегъ ва рынокъ тащиться. А когда послѣ обѣда мнѣ вдругъ холодно станетъ, такъ я преспокойно могу протопить еще разъ, да какъ еще. А вечеромъ мы за ужиномъ будемъ ѣсть ветчину, да говядину.

Хейн. А я могу теперь по конкѣ ѣздить сколько душѣ угодно.

Мих. Какъ разъ 400,000 разъ по 10 пфениговъ.

Мать. А канане мнѣ купишь?

Авг. Ну, въ Индію-то теперь вы ужъ, небось, не поѣдете.

Мать. *(амъс-)* Да Богъ съ тобой.

Хейн. *(тѣ.)* Да ты, что, всѣсмилась что-ли?..

Авг. А что же про это братецъ-то скажутъ?

Мать *(радостно)*. Ахъ да, сыночекъ-то!

Авг. *(удерживаетъ ее)*. Я тебѣ совѣтую оставить его въ покоѣ. Будетъ время, узнаетъ еще.

Мать *(испуланно)*. А что!?

Хейн. *(держитъ жену за юбку и показываетъ на дверь въ кухню)*. А та-то тамъ же—хе!

Мать. Ахъ, милая, бѣдное мое дитятко!

Хейн. *(тайнственно)*. Т-съ, мы ей сюрпризъ сдѣлаемъ. *(Всѣ идутъ на ципочкахъ къ двери въ кухню. Хейнке идетъ впередъ и открываетъ дверь. Въ кухню раздается крикъ. Хейнке, пораженный, отскакиваетъ)*. Вотъ такъ такъ.

Мать *(всплескиваетъ руками)*. Господи!

Мих. *(смотря черезъ ея плечи)*. О чертъ возьми!

Хейн. *(съ притворной строгостью)*. Ну скоро лѣ ты выползешь?

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ-же и Альма.

Альма *(изъ кухни, бояливо)*. Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ.

Хейн. Ну, скоро ты? *(Альма выходитъ въ роскошномъ индусскомъ костюмъ, стыдливо закрывая лицо руками. Всѣ окружаютъ ее съ сдержаннымъ смѣхомъ и съ возмасами удивленія)*.

Авг. Индѣйское платье?!

Мих. Съ обобранной принцессы.

Альма. Мнѣ хотѣлось.... только... примѣрить.... я сейчасъ... сниму....

Мать *(лаская ее)*. Ахъ, Господи, чисто ангельчикъ!

Альма. Вы на меня больше не сердитесь?

Хейн. Сердитесь? *(Спохватывается. Строго.)* То есть, собственно говоря, очень, но мы хотимъ еще разъ показать тебѣ наше снисхожденіе. *(Оборачиваясь)*. Каково сказано, а?

Мать *(младитъ Альму по плечу и отводитъ вправо)*. Иди сюда, садись. Нѣтъ сюда, сюда, на кресло.

Альма. На кресло!? Что такое случилось?

Хейн. Хе... хе. *(Садятся вокругъ нея)*.

Альма. И въ маскарадъ мнѣ сегодня можно?

Хейн. Да, да, можно, можно.

Авг. *(иронически)*. Бѣдное дитятко.

Хейн. *(вскакивая)*. Ахъ, да мнѣ сейчасъ надо въ контору бѣжать.

Мих. *(откупоривая бутылку)*. Погоди, счастье надо приносить, чтобы оно пришло. Альма, принеси стаканы.

Мать *(вскакивая)*. Оставь милую дѣвочку въ покоѣ. Я сама сейчасъ принесу. *(Идетъ къ шкапу и выноситъ кабаре съ ледерными стаканчиками)*. Ты что мнѣ давеча насчетъ Роберта говорила?

Авг. Увидишь ужъ.

Мать. Не станетъ же онъ отъ насъ, бѣдныхъ стариковъ, счастье отнимать?!

Мих. *(поетъ, поднимая стаканы)*.

«Такъ живемъ мы,

«Такъ живемъ мы

«Такъ живемъ мы ежедневно.

Мать. Тише, Бога ради. *(Въ комнату, идетъ Робертъ, самъ же стучъ упавшаго стула.)*

Мих. Милостивые государи, Альма Хейнке, наше дитя счастья, а прежде всего та фирма, которая показала себя съ такой благородной стороны....

Хейн. Да здравствуетъ торговый домъ Миланговъ! Ура!

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ-же и Робертъ *(въ дверяхъ)*.

Всѣ. Ура!

Мать. Онъ! *(Молчаніе и замѣшательство.)*

Мих. *(дерзко)*. Здорово, шуринъ.

Роб. Объясни мнѣ, мать, какими образомъ эти люди сидятъ за нашимъ честнымъ столомъ?

Мих. О-го!

Хейн. Не будь такъ неделкатень.

Мать *(идетъ къ Роберту)*. Сыночекъ, не гордо гордиться, а особенно передъ родными.

Роб. Г-мъ, Альма! Это что такое? Кто тебѣ позволилъ?

Хейн. А это, чтобы ты забылъ о своей Индіи.

Я предпочитаю прожить свои деньги у себя дома, въ Германіи.

Роб. (*удивленно*). Что такое здѣсь произошло.

Мать. Говори ты, старикъ, вѣдь у тебя документъ.

Роб. Какой документъ?

Хейн. (*садится и позируетъ*). Сынъ мой! Нельзя судить о нѣкоторыхъ людяхъ по наружности. Они, такъ сказать, въ себѣ прячутъ. Поэтому надо всегда ихъ уважать; потому нельзя знать, что подъ скромной одежей. Бобры-то всякій носить умѣетъ.

Роб. Да объяснишь-ли ты мнѣ наконецъ.

Хейн. Объяснять? Да чего тутъ объяснять... Да не смотри на меня такъ. (*Жестъ*.) Чего онъ на меня такъ уставился? Я могу теперь это и запретить.

Мать. Да говори ужъ.

Хейн. Итакъ... Я уже сказалъ... Все очень просто... Хозяинъ здѣсь былъ.

Роб. Онъ?... Такъ отчего-жъ вы меня не разбудили?

Хейн. Эво-на! Во-первыхъ потому, что это былъ не молодой хозяинъ. Ты можешь принимать своихъ друзей, а старый хозяинъ—мой другъ. Мы обѣщались на будущее время посѣщать другъ друга. А во-вторыхъ—потому, что я вовсе не намѣренъ получать приказанія отъ моего сына. Довольно, будетъ ужъ. Понялъ?

Мать. Ну, старикъ...

Хейн. Не мѣшайся, когда я дѣлаю сыну наставленія. Больше я съ собой шутить не позволю.

Мих. (*сзади*). Вотъ это такъ. Вотъ это дѣло!

Роб. Была рѣчь объ Альмѣ?

Хейн. Во-первыхъ, была рѣчь о тебѣ. Ты уволенъ отъ службы по милости твоего дурного поведения. Откровенно говоря, я ждалъ отъ тебя иной благодарности.

Роб. Ты?!

Хейн. (*строго*). Да я, твой старый, почтенный отецъ. Мнѣ вовсе не все равно, что мой сынъ шляется по свѣту прикищикомъ безъ мѣста. И до 4 часовъ сегодня ты долженъ сдать ему отчетъ, а то тебѣ худо будетъ.

Роб. (*вспыхиваетъ, но сдерживается*). Поговоримъ объ Альмѣ. Предлагалъ онъ удовлетвореніе?

Хейн. Понятное дѣло, и полнѣйшее.

Роб. (*медленно, какъ бы чувствуя неловкость*). Стало быть... женитьбу?

Хейн. Какую женитьбу?

Роб. Ну, его сына на...

Хейн. Да ты взбѣсился.

Роб. (*вскакивая, испуганно*). Такъ что-же?

Хейн. (*лукаво, тихо, къ самому его уху*). Цѣлыхъ 40 т. марокъ! (*Промко.*) Ну что, не благородно?

Роб. (*дико вскрикивая*). Деньги!?

Мать (*испуганно*). Господи, чуяло мое сердце.

Роб. Деньги!?

Хейн. Конечно, вотъ онѣ, все одно, что наличныя.

Роб. Какъ!? И ты взялъ!?

Хейн. (*удивленно*). А что жъ?

Роб. Онъ предложилъ деньги и ты взялъ? (*Внѣ себя кидается на него.*)

Мих. (*бросаясь между ними*). Я тебѣ совѣтую оставить старика въ покоѣ.

Роб. (*отходя и не обращая на него вниманія*). Мама, вы взяли?!

Мать (*складывая руки*). Мы люди бѣдные, сынокъ. (*Робертъ со смѣхомъ падаетъ на скамью. Михальскій и Августа хлопочутъ около Хейнеке, Альма съ сложенными на груди руками сидитъ въ креслѣ и смѣется.*)

Мать. Господи помилуй, онъ съ ума сходитъ. (*Кладетъ руку на плечо.*) Бери, сынокъ, прижми съ своей старой матерью. Нечего свое счастье ногами топтать. Гордымъ Богъ противится.

Роб. Это еще не самое скверное, мать... Лучше я умру въ канавѣ... на соломѣ... Пускай я поколюсь какъ собака, только отдайте деньги назадъ!.. Смотрите, я буду говорить спокойно, разсудительно, а вамъ по пальцамъ перечту, что вы обязаны сдѣлать. Тѣ опозорили насъ... хорошо... но вѣдь мы не виноваты... намъ нечего было стыдиться ни передъ кѣмъ... Можно украсть мою честь, какъ мой кошелекъ, противъ этого человѣка беззащитенъ. Но когда мы свою послѣднюю честь продаемъ... за наличныя деньги... тогда мы сами безчестны, и были всегда такими... то и подѣломъ намъ. (*Хейнеке оборачивается къ Михальскому, тотъ показываетъ пальцемъ на лобъ.*) Господи, да, вѣдь, я все понимаю... я и не упрекаю васъ. Право же нѣтъ. Вы бѣдняки, и были ими всегда. Ваша жизнь, съ вѣчной погоней за кускомъ хлѣба, уничтожаетъ всякое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, убиваетъ разсудокъ и вы дали ослѣпить себя кускомъ золота?! Но, повѣрьте мнѣ, что оно не дастъ вамъ счастья. Одно отвращеніе дастъ вамъ оно.

Мать. Морозъ по кожѣ подираетъ отъ такихъ рѣчей.

Хейн. Такъ вотъ какъ, сынокъ.

Роб. И не думайте, что вы потеряете что-нибудь, если послушаетесь меня. Посмотрите на меня, вѣдь выучился же я чему-нибудь, не правда-ли? Вѣдь у меня здоровыя руки, не такъ-ли. Вѣдь я не опустился-же, не такъ-ли?! Неужели же остатокъ вашихъ дней, вы не можете спокойно мнѣ доверить? Послушайте, вѣдь я хочу работать только для васъ... Обогащать хочу я васъ... обогатить... Вы можете

дѣлать со мной все, что вамъ угодно... я буду вашимъ рабомъ... вашимъ вьючнымъ скотомъ, но только отдайте назадъ деньги.

Хейн. Все это очень прекрасно. Но только лучше синицу въ руки, чѣмъ..... я хотѣлъ сказать...

Мих. Совершенно вѣрно!

Хейн. Да, право-же, такъ... И такъ-то, сынокъ, ты ступай спокойно охотиться за журавлями, а я ужь останусь съ своей синицей... я ее вотъ сейчасъ въ наличныя превращу.

Мих. Браво.

Роб. А ты, мама?... *(Она молчитъ и отворачивается.)* И ты тоже? Господи, что-же мнѣ теперь дѣлать?! Альма, вѣдь дѣло идетъ о тебѣ... я для тебя все сдѣлаю, только помоги мнѣ теперь. *(Хватаетъ ее за руку, она упирается, онъ выводитъ ее на середину.)*

Альма *(упрямо)*. Пустяки меня.

Авг. Онъ ей руки ломаетъ.

Альма. Мнѣ съ тобой больше не о чемъ разговаривать. *(Вырывается.)*

Роб. Сестра!

Альма. А въ маскарадъ я все-таки пойду. Вотъ, спроси мать.

Роб. Мать?

Мать. Отчего же бѣдному ребенку и не позволить это маленькое удовольствіе.

Роб. *(уничиженный)*. Такъ вотъ до чего мы дошли!

Мих. *(сидя въ кресло, иронически)*. Да вотъ до чего мы дошли.

Роб. Ахъ ты негодяй! Прочь съ этого мѣста! *(Михальскій не трогаются. Робертъ хватается кресло за ручку.)* Прочь, говорю я! И убирайся вонъ! Вонъ вы, оба!

Мих. *(наступая на него)*. Ну, однако будетъ.

Роб. *(держая кресло)*. И ты еще смѣешь грозить мнѣ?!

Мать *(кидаясь между ними)*. Ахъ, ты мнѣ кресло ломаешь!

Роб. Или оно вамъ очень дорого, оттого что оно изъ хозяйскаго дома?

Мать. Конечно.

Роб. Отъ милѣйшаго господина Курта, не правда ли?

Мать. Ну да, да.

Роб. *(съ дикимъ смѣхомъ)*. На те вамъ его. *(Кидаетъ кресло на полъ, оно разбивается. Онъ бросаетъ обломки подъ ноги.)*

Мать *(плача)*. Ахъ мое кресло, мое кресло! *(На кольяхъ подбираетъ обломки, относитъ ихъ нальво, — потомъ садится на скамью.)*

Хейн. Ну, однако это ужь изъ рукъ вонъ. *(Хочетъ уйти нальво.)*

Роб. *(загораживая ему дорогу)*. Ну что же возвратишь ты назадъ плату за позоръ дочери? Да или нѣтъ?

Хейн. И не подумаю!

Роб. Ну, такъ у насъ съ тобой все конечно, и съ тобой тоже, мать. Такъ, стало быть, съ безчестіемъ на свѣтъ родятся, какъ съ родимымъ пятномъ. Ну, хорошо... Если мнѣ ужь, дѣйствительно, нужно было появиться на свѣтъ, то зачѣмъ же вы не оставили меня въ той же грязи, въ какой я родился..... и въ которой я бы всю жизнь копался, какъ того хочетъ моя почтенная семейка.

Авг. Слышишь ли, мать? Какое твой любимчикъ?

Роб. Нѣтъ, мама, не слушай. *(Падаетъ передъ ней на колѣни.)* Я ничего, ничего не говорилъ..... Если я и сказалъ что, такъ я самъ себя не помнилъ. Мнѣ кажется, что сегодня я навсегда простился со всѣмъ, что человѣчно и разумно. Мама, сжалась надомной! Ты еще можешь спасти и меня, и себя. Удѣлъ со мною.

Мать *(вскликивая)*. Ужь не хочешь-ли ты, взбѣсившись, и наше зеркало разбить?

Роб. *(растерянно смотритъ на зеркало, потомъ поднимаясь)*. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ, мы не понимаемъ другъ друга.

Мих. *(все время того разговаривавшій съ Хейнеке, хватается Роберта за плечо)*. Ну, ты довольно наскандаляничалъ. Теперь убирайся-ка вонъ.

Роб. *(отталкивая его)*. Прочь! *(Смотритъ на стариковъ и на сестеръ, которыя съ злобными возгласами окружаютъ его, и хохочетъ.)* Ахъ, да, меня выгоняютъ вонъ!

Мих. *(раскрывая настежь дверь)*. Вонъ!

ЯВЛЕНІЕ 13 е.

Тѣ-же и Трастъ *(появляется на пороѣ.)*

Трастъ *(хлопая Михальскаго по плечу)*. Спасибо за любезный пріемъ.

Роб. *(узнавъ Траста, вскрикиваетъ и протягиваетъ руки, какъ бы защищаясь противъ него)*. Что тебѣ нужно здѣсь?!..... здѣсь разбойничій вертепъ..... Знаешь ли ты, кто мы?!..... Мы торгуемъ собою... Ха, ха... не смотри такъ на меня..... Я не вынесу этого... *(Тяжело дыша, закрываетъ лицо руками. Альма, при появлении Траста, стыдясь, убѣгаетъ. Михальскій и Августъ прокрадываются въ кухню. Трастъ пристально смотритъ на нѣтъ.)*

Трастъ. Опомнись, что случилось?

Хейн. *(съ шапкой въ рукѣ)*. Онъ себя неприлично велъ, ваше сіятельство. Сначала вздуналъ насъ въ Индію тащить, а потомъ выдуналъ, чтобы мы не сѣли денегъ брать. Я теперь, какъ разъ, иду въ контору. Цѣлыхъ 40 т. Индію честь кланяться, ваше сіятельство. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Трасть. Такъ, такъ, теперь я понимаю. (*Кладетъ руку на плечо Роберта.*) Вѣроятно, тутъ былъ Мюлингъ?

Роб. Мюлингъ!? Вотъ, кого мнѣ теперь нужно!

Трасть. Что ты хочешь дѣлать?

Роб. Они требуютъ отъ меня отчета и они его получаютъ (*Бѣжитъ въ глубину и лихорадочно роется въ чемоданъ.*)

Мать (*плача*). Благодарите Бога, что у васъ нѣтъ семьи.. Охъ, какія неблагодарныя дѣти бываютъ на свѣтѣ!

Трасть (*про себя*). Сама глупость говорить устами матери... Стыдись, Трасть, это нехорошо.

Мать. Ну развѣ-жь я не права?

Трасть (*объими руками беретъ ея руку*). Мать всегда права, она слишкомъ много страдала и любила, чтобы быть неправой.

Мать. Но, ваше сѣятельство, мнѣ, простой женщины, вы руку даете.

Трасть. Я сильно виновать передъ матерями и долженъ заслуживать прощенье... Особенно передъ своею матерью. Бываютъ еще гораздо худшіе сыновья, чѣмъ этотъ тамъ.

(*Робертъ отыскиваетъ папку съ бумагами и откладываетъ ее въ сторону, ищетъ дальше, отыскиваетъ револьверъ и разсматриваетъ его.*)

Трасть (*въ сторону*). Ага, револьверъ, такъ вотъ какъ онъ будетъ сдавать отчетъ.

Роб. (*видя, что за нимъ слѣдятъ, прячетъ револьверъ въ карманъ, беретъ папку и выходитъ на авансцену*). Такъ. Ну, теперь я готовъ.

Трасть. Я провожу тебя.

Роб. Ты?

Трасть. Развѣ я не имѣю на это права?

Роб. (*колеблясь*). Хорошо, поидежь.

Мать (*нѣжно, въ слезахъ*). Робертъ!

Роб. (*стараясь подавить свое волненіе*). Я... приду.. еще... проститься, мама. Теперь мнѣ надо кончить болѣе важныя дѣла (*Идетъ къ двери.*)

Мать (*ломая руки, къ Трасту*). Г. Куртъ и онъ!.. Ну, навѣрное, случится несчастье.

Трасть (*въ помолвка ей*). Тише, тише, ну, идемъ мы?

Роб. (*къ матери въ страшномъ волненіи и съ прорывающею нѣжностью*). Ну, а если мы... больше не... (*Хватаясь за Траста.*) Хорошо, поидежь.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация 2 дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Трасть, Робертъ (*съ папкой подъ мышкой*) и Вильгельмъ.

Вильг. (*тихо Трасту*). Мнѣ строго запрещено принимать г. Хейнке.

Тр. И меня тоже?

Вильг. Помилуйте-съ, какъ можно. Вы—другое дѣло.

Тр. Глубоко тронуть. Но г. Хейнке являясь вмѣстѣ со мной Я беру на себя ответственность. Мы подождемъ здѣсь г. Мюлинга.

Вильг. Но...

Тр. Вы что предпочитаете: бумажки или звонкую монету? (*Ищетъ въ бумажникъ.*) Развѣ никого нѣтъ дома?

Вильг. Самъ г. Мюлингъ пошелъ на фабрику, барыня больна, у нихъ мигрень, а барышня съ молодымъ барининомъ въ городъ уѣхали.

Тр. Вмѣстѣ?

Вильг. О, они никогда вмѣстѣ не выѣзжаютъ.—Молодой баринъ хотѣлъ отказать господанъ, которые сегодня на обѣдъ приглашены...

Тр. (*дастъ ему деньги*). Хорошо, ступайте.

Вильг. Что прикажете?

Тр. Ступайте. (*Вильгельмъ уходитъ съ поклономъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тр. Поди-ка сюда, мой мальчикъ.

Роб. Что тебѣ?

Тр. Мнѣ? Ты знаешь отлично, что я никогда ничего не хочу. Я всегда отдаюсь на волю случая. Но тутъ вотъ какой вопросъ: чего ты хочешь въ этомъ домѣ?

Роб. Отдать отчетъ.

Тр. Это-то я знаю. Я одного не пойму. Разъ ты не нахѣренъ пожать руку, которую въ такихъ случаяхъ принято подавать каждому честному работнику, то я не понимаю, почему бы тебѣ просто-на-просто не послать свой отчетъ прямо въ контору, и баста.

Роб. Конечно, это было бы проще всего.

Тр. Дорогой ты мой, позволь мнѣ еще разъ поговорить съ тобой, какъ съ другомъ.

Роб. Говори, говори.

Тр. Ты гоняешься за призраками.

Роб. Вотъ какъ?

Тр. Твою личную честь никто не затрогивалъ.

Роб. Вотъ какъ?

Тр. Потому что никто на свѣтѣ этого сдѣлать не можетъ.

Роб. Такъ, такъ.

Тр. То, что ты называешь своей честью, эта смѣсь изъ чувства такта, стыдливости, права и гордости, то, что ты воспиталъ въ себѣ—твоей нравственною жизнью и строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, такъ же мало можетъ отнять у тебя кто-нибудь своимъ мальчишескимъ поведеніемъ, какъ и доброту твоего сердца и твой здравый смыслъ. Или эта честь—часть твоего я или ея совсѣмъ не существуетъ. У тебя нѣтъ ничего общаго съ тѣми, чью честь можетъ оскорбить всякій свѣтскій бретеръ небрежно брошенной перчаткой.... Та честь хороша, какъ зеркало для глупцовъ, какъ игрушка для праздношатающихся и какъ духи для хлыщей.

Роб. Ты говоришь, какъ человѣкъ, который несчастье возводитъ въ добродѣтель.

Тр. Весьма возможно, потому что добродѣтель исходитъ изъ несчастья.

Роб. А моя семья?

Тр. А я думалъ, что у тебя уже нѣтъ больше семьи? (*Робертъ въ волнении закрываетъ лицо руками.*) Я отлично понимаю тебя, но это не больше, какъ трепетаніе нерва, который только что ампутировали. Не обманывай себя.

Роб. У тебя никогда не было сестры.

Тр. Скажи, пожалуйста, неужели я, аристократъ, долженъ учить тебя терпимости къ низшимъ? Милый мой, не презирай своихъ. Не говори, что они хуже тебя и меня. Они только иные и больше ничего. Въ нихъ живутъ чувства, совершенно чуждыя тебѣ. Они смотрятъ на жизнь взглядами, совершенно тебѣ непонятными. И поэтому осуждать ихъ было бы глупо. И наконецъ, другъ мой, знай, что ты въ этой борьбѣ съ твоими—съ начала и до конца неправъ.

Роб. Трасть, и это говоришь ты!?

Тр. Да, я позволилъ это себѣ... Ты пріѣхалъ изъ чужихъ странъ, гдѣ въ средѣ порядочныхъ людей разъ 9 мѣнялъ свою натуру, и требуешь отъ твоихъ, чтобы они въ одинъ день перемѣнили свою шкуру, въ которой они выросли. Это слишкомъ нескромно, мой мальчикъ. А твоей сестрѣ Мюлинги, въ сущности, вернули ея честь, ту честь, которая ей нужна, потому что все на свѣтѣ имѣетъ свою мѣстовую цѣну. За дворянскую честь платятъ, быть можетъ, кровью—быть можетъ, говорю я—а честь задняго двора можетъ быть восстановлена не большою суммой *integrum*. (*Робертъ дѣлаетъ нѣжное движеніе.*) Не съѣшь меня, пожалуйста! Постою я еще не кончилъ... Какой же другой смыслъ имѣетъ дѣвичья честь въ данномъ случаѣ, какъ не тотъ, чтобы принести будущему мужу извест-

ное приданое изъ чистоты сердца, склонности и искренности. Вѣдь все это необходимо только на случай замужества. Ну, а спроси, пожалуйста у людей той среды: когда твоя сестра была болѣе завидной невѣстой,—теперь съ полученнымъ ею капиталомъ, или раньше?

Роб. Трасть, ты грубъ, ты жестокъ!

Тр. Грубъ, какъ природа, жестокъ, какъ правда. Только лѣтяи да трусы сочиняютъ à tout prix для себя идилліи. Но вѣдь ты съ ними ничего общаго не имѣешь. И потому дай мнѣ твою руну, отряхни прахъ твоей родины съ своихъ ногъ и никогда на все это и не оглядывайся.

Роб. Не прежде я долженъ получить личное удовлетвореніе.

Тр. Такъ, стало-быть, ты хочешь, во что бы то ни стало, съ нимъ драться?

Роб. Я было отказался отъ этой мысли, но теперь, теперь—да, я хочу этого.

Тр. Да не будь же такимъ старомоднымъ.

Роб. Старомоднымъ? Можетъ быть... можетъ быть, именно потому, что я родился плебеемъ... мои понятія о чести слишкомъ поверхностны и я не могу подняться на высоту твоихъ взглядовъ. Оставь меня и пусть я погибну отъ своей ограниченности.

Тр. Но если онъ откажется?

Роб. Я сумѣю его заставить.

Тр. Ага. (*Про себя.*) Такъ вотъ зачѣмъ ему револьверъ!... (*Ему.*) Еще одно, мой мальчикъ... Если ты хочешь, во что бы то ни стало, чтобы г. Куртъ преблизъ твою шкуру, то сначала ты долженъ отнять у него всякій предлогъ къ отказу.

Роб. Ахъ, Богъ мой, ты совершенно правъ.

Тр. (*вынимая бумажникъ*). Ты, что стѣняешься, что-ли?

Роб. Нѣтъ, ты и безъ того слишкомъ много сдѣлалъ для меня.

Тр. (*подавая ему чекъ*). Вотъ.

Роб. А если я никогда не буду въ состояніи тебѣ это заработать?

Тр. Ну, тогда я запишу въ трубѣ уголькомъ, какъ обыкновенно ведутся счета между друзьями. (*Гладитъ его по голове.*) Ну до этого дѣло не дойдетъ. Г-мъ! мой мальчикъ... Еще одно, о чемъ ты совсѣмъ позабылъ.

Роб. Что такое?

Тр. Леонора.

Роб. (*вздвигаясь*). Не говори мнѣ о ней!

Тр. Ты ее любишь?

Роб. А! я тебѣ на это ничего не отвѣчу.

Тр. Что же ей придется видѣть въ тебѣ убійцу ея брата?

Роб. Лучше, чѣмъ если она будетъ видѣть во мнѣ подлеца.

Тр. (*выпрямляясь*). А развѣ я не такой же подлецъ? А развѣ ты меня не зналъ за не-

рядочного человека? Развѣ я не такъ же, какъ другіе, высоко держу голову? Стыдись.

Роб. (*послѣ паузы*). Трастѣ, прости меня.

Тр. Простить? Глупости. Я люблю тебя, и basta.

Роб. Трастѣ... я не буду... драться.

Тр. Слово?

Роб. Слово.

Тр. Такъ пойдѣмъ.

Роб. Куда?

Тр. Почему я знаю—въ міръ.

Роб. Извини, но развѣ я могу отказаться... бросить деньги подъ ноги этому благодѣтелю.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Вильг. Барня только что прошли въ контору.

Тр. (*съ стороны*). Курта нѣтъ. Обстоятельства складываются прекрасно.

Роб. (*звѣлая папку*). Я иду туда.

Тр. Хорошо. Подожди меня тамъ.

Роб. Что тебѣ еще нужно здѣсь?

Тр. Это ужъ мое дѣло. Поди-ка сюда. (*Тихо*.) Прежде, чѣмъ ты пойдешь, отдай мнѣ твой револьверъ.

Роб. (*испуганно*). Какъ? Ты знаешь?

Тр. Онъ слишкомъ ясно обрисовывается въ твоёмъ карманѣ?

Роб. Я прошу тебя... Оставь его мнѣ... Или ты мнѣ не довѣряешь?

Тр. Я боюсь, что въ тебѣ еще сидитъ мой Пепе.

Роб. Неужели въ самомъ дѣлѣ честное слово у насъ, безчестныхъ, не имѣетъ значенія?!

Тр. Хорошо. Оставь его у себя. (*Робертъ и Вильгельмъ уходятъ. Трастѣ дѣлаетъ движеніе вернуть Роберта, потомъ останавливается*.) Пожалуй, это было неосторожно!.. Ну, если тотъ мальчишка вернется, я его поймаю и задержу насколько возможно. Но теперь дѣло совсѣмъ въ другомъ. Если эта дѣвушка дѣйствительно такая, за какую я ее принялъ...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Трастѣ и Леонора (*съ зимнемъ костюмъ, шапочку, шубъ, съ муфтой, входитъ справа*).

Тр. А-а, вотъ это я называю удачей.

Леон. (*подавая ему руку. Вздвинуто*). Знаете, графъ, гдѣ я была сейчасъ? У васъ. (*Раздвѣвается*.) Вы въ ужасѣ отъ моей смѣлости?! Но только отъ васъ я могла узнать, что здѣсь творится. Я боялась... Подозрѣвала, что мой братъ готовъ увлечь и погубить эту молодую дѣвушку... Что вашъ другъ знаетъ объ этомъ?

Тр. О, если-бы только было.

Леон. Что же еще?

Тр. Я долженъ сознаться, что я не нахожу словъ, чтобы молодой барышнѣ...

Леон. Говорите, пожалуйста, все.

Тр. Ну, такъ слушайте. Ваши родные сочли за нужное заставить тѣхъ бѣдныхъ людей забыть ихъ позоръ, и они приступили къ нимъ именно съ той стороны, съ которой было всего легче, со стороны ихъ бѣдности.

Леон. Такъ-ли я васъ понимаю? Мой братъ откупился отъ той дѣвушки!? (*Трастѣ утвердительно киваетъ головой*.) О, Боже мой!

Тр. Само собой понятно, что я воздерживаюсь отъ всякой критики, къ тому же это средство самое обыденное, каковы обыкновенно порываютъ подобныя связи. Но я очень боюсь за нашего друга.

Леон. (*закрывая лицо руками*). Чѣмъ могу я это когда-нибудь поправить?

Тр. Развѣ вы считаете это своей обязанностью?

Леон. Еще бы. Я всѣмъ своимъ существомъ ненавижу эти противные обычаи нашей семьи. Платить... За все платить... За честь, за правое, за любовь... За все платить... Вѣдь мы это можемъ... Мы, вѣдь, настолько богаты. (*Бросается въ кресло, потомъ вскакиваетъ*.) Простите, я не владѣю собою. Я говорю о моихъ родныхъ, какъ о чужихъ.

Тр. Быть можетъ, они еще болѣе вамъ чужіе, чѣмъ вы это думаете!

Леон. (*пораженная*). Ахъ, если бы это была правда. (*Трастѣ прислушивается*.) Что такое?

Тр. Это не голосъ вашего брата?

Леон. (*у двери*). Да, это онъ, съ своими друзьями.

Тр. (*про себя*). Напрасно я оставилъ у него револьверъ. (*Громко, взявъ шляпу*.) Онъ пройдетъ въ контору?

Леон. Нѣтъ, они, кажется, идутъ сюда.

Тр. (*кладя шляпу назадъ*). Прекрасно, я ихъ здѣсь подожду. М-ле, еще одна просьба. Мы оба съ моимъ другомъ сегодня покидаемъ этотъ домъ, завтра городъ, и, надѣюсь, скоро и Европу.

Леон. (*про себя*). Господи!

Тр. Но сегодня мнѣ хотѣлось бы помѣшать его свиданію съ вашимъ братомъ. Если мнѣ что-нибудь помѣшаетъ вмѣшаться, то прошу васъ будьте по близости.

Леон. (*съ жаромъ киваетъ головой. Голова за дверь. Она идетъ намъво. Оборачивается*). Что мнѣ нужно дѣлать, графъ?

Тр. Остаться вѣрной самой себѣ.

Леон. Да, я это сдѣлаю. (*Уходитъ*.)

Тр. Ну, теперь братъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Трастѣ и Брандтъ, Штенгель и Куртъ.

Кур. (*съ удивленіемъ*). Графъ?

Бр. (*тихо*). Хорошо, что и мы съ нимъ.

Тр. Прошу васъ подарить мнѣ нѣсколько минутъ, г. Мюлингъ.

Кур. У меня нѣтъ времени, графъ. Отецъ ждетъ меня.

Тр. (*съ сторону*). О-го! (*Громко*). Дѣло заключается тутъ въ одной просьбѣ.

Кур. У меня нѣтъ секретовъ отъ моихъ друзей, графъ. (*Садятся*.)

Тр. Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей тяжело оскорбленъ вами. По моему совѣту и изъ любви ко мнѣ онъ отказался требовать отъ васъ удовлетворенія.

Кур. Вы ошибаетесь, графъ, г. Хейнеке уже получалъ удовлетвореніе.

Бр. Другого мы ему дать не могли.

Тр. (*осматривая его съ головы до ногъ*). Оставимъ мы этотъ вопросъ, г. Мюлингъ. Мой другъ находится теперь, какъ я предполагаю, у вашего отца, такъ какъ онъ наставлялъ на томъ, чтобы ему позволено было лично сдать отчетъ.

Кур. Если это доставляетъ ему удовольствіе.

Тр. При этомъ случаѣ онъ искалъ свиданія съ вами.

Кур. Онъ можетъ его имѣть, графъ.

Тр. Черезъ часъ мой другъ покинетъ фабрику. Принимая во вниманіе возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находится, было бы очень желательно избѣжать за это время встрѣчи между вами.

Бр. Графъ, воззваніе къ трусости никогда не находило отклика въ нѣмецкомъ сердцѣ.

Тр. (*спокойно*). Г. поручикъ, я не позволялъ себѣ обращаться къ вамъ. Г. Мюлингъ, подумайте хорошенько, это говоритъ вамъ человѣкъ, которымъ вы въ данный моментъ должны дорожить, не изъ симпатій, конечно, какъ я это и самъ откровенно признаю. Я позволяю себѣ поэтому обратиться къ вамъ, по дружески. Не поддавайтесь влиянію этихъ господъ.

Шт. Нѣтъ, нѣтъ, намъ не поддавайся.

Тр. И дайте просторъ тому чувству, которое подсказываетъ вамъ, что вы не должны противиться сознанию несправды, содѣянной вами ближнему. Вы молчите? Неправда-ли, вы исполните мою просьбу?

Бр. (*тихо Курту, зади*). Ну, теперь хорошенько его.

Кур. Я молчу, графъ, потому, что не нахожу словъ выразить вамъ мое удивленіе по поводу вашихъ странныхъ претензій. (*Всѣ встаютъ*.)

Бр. (*зади Курта, тихо*). Прекрасно, прекрасно.

Кур. Я позволю себѣ спросить васъ, что даетъ вамъ право предъявлять мнѣ требованія въ моемъ домѣ?

Тр. Требованія... которыя вы отклоняете?

Кур. Развѣ вы можете въ этомъ сомнѣваться, графъ?

Бр. (*тихо*). Хорошенько, хорошенько...

Тр. (*съ сторону*). Слѣдовательно употребить болѣе радикальное средство. (*Громко*). Да, я сомнѣвался въ этомъ, у меня еще была слабая надежда, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ чести. Pardon, я ошибся.

Кур. Графъ, это...

Тр. Оскорбленіе?—Да.

Кур. За которое вы мнѣ дадите удовлетвореніе.

Тр. Я ничего лучшаго и не желаю.

Кур. Вы завтра же услышите обо мнѣ.

Тр. Завтра? Развѣ у васъ могутъ спать послѣ такихъ оскорбленій?! У меня привычка немедленно смывать подобныя пятна.

Кур. (*запинаясь*). Если вамъ угодно.

Тр. (*съ сторону*). Слава Богу! (*Громко*). Итакъ пойдите.

Бр. (*вступааясь*). Будь во всемъ послѣдователенъ, милый Куртъ, такъ какъ вызванному не о чемъ больше говорить съ этимъ господиномъ. (*Рѣзко*). Во 1-хъ, кодексъ чести требуетъ, графъ, чтобы противники имѣли 24 часа срока, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ. Мы, т.-е. мой другъ и я, воспользовались бы этимъ правомъ, если-бы—теперь я перехожу ко второму пункту—мы не были принуждены отказаться отъ удовольствія требовать отъ васъ удовлетворенія, потому что вы, милостивый государь, насъ не оскорбили.

Тр. А-а!?

Бр. Вы принадлежите къ числу такихъ людей, которые насъ оскорбить не могутъ.

Тр. (*весело*). Такъ, такъ.

Бр. Припомните, пожалуйста, что графъ Трастъ Заарбергъ 25 іюня 1864 года, какъ я узналъ изъ подлинныхъ документовъ, былъ вынужденъ, вслѣдствіе неуплаченного мартовскаго долга, оставить полкъ. А потому, (*клянется небрежно*) графъ...

Тр. (*расхохотавшись*). Благодарю васъ отъ души, господа, за этотъ урокъ... Я его вполне заслужилъ, потому что самое сильное преступленіе—это непослѣдовательность. И что главное,—я вынесъ изъ этого слѣдующее: что какъ бы человѣкъ ни возвышался надъ современнымъ понятіемъ о чести, онъ всегда останется ея рабомъ. Хотя бы дѣло шло только о томъ, чтобы спасти отъ бѣды своего несчастнаго друга.—Господа, я имѣю честь... Pardon, я ее не имѣю. Вѣдь вы ея у меня не признаете... Итакъ, мнѣ остается простое удовольствіе раскланяться съ вами, но это для меня еще пріятнѣе. (*Кланяется, смѣясь, и уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Шт. Ну вотъ мы и остались опять съ нашей честью въ дуракахъ.

Бр. Какъ?! Мы вели себя вполне джентльменами.

Шт. Но, Брандтъ, а кофе-то, кофе?!

Бр. Нужно же немножко дорожить и своей честью, мой другъ. Я очень радъ, что я могъ оказать тебѣ эту услугу, милый Куртъ. Что бы ты безъ меня сдѣлалъ? Итакъ, до вечера.

Кур. Развѣ вы уже собираетесь обратно въ городъ?

Бр. Да.

Кур. Я васъ провожу.

Бр. О, это бы имѣло видъ бѣгства.

Кур. Что это тебѣ приходитъ въ голову?

Бр. А графъ будетъ свѣяться втихомолку? Теперь это даже твой долгъ искать встрѣчи.

Кур. Ну, это-то, пожалуй, и не такъ.

Бр. Это твой долгъ, говорю я, если ты не хочешь показаться трусомъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ-же, Мюлингъ (*въ мѣховомъ пальто и шапкѣ*) и Вильгельмъ (*сзади*).

Мюл. (*сбрасывая пальто на руки Вильгельма*). Съ чего это онъ взялъ осаждать меня въ конторѣ?! Здравствуйте, господа... Велите тамъ отобрать отъ него всѣ книги и отчеты и скажите ему, чтобы онъ убирался къ черту.... (*Вильгельмъ уходитъ*.) Куртъ, ты чего это отъ меня прячешься, ты знаешь вѣдь, что наши разговоры съ тобой еще не кончены.

Куртъ (*тихо Брандту и Штенелю*). Ну, теперь мнѣ достанется! Спасайтесь.

Шт. Г. Мюлингъ, наше время, къ несчастью....

Мюл. До свиданья, господа, сожалѣю крайне... до свиданья.

Бр. (*тихо Курту*). Расскажи намъ потомъ о встрѣчѣ. (*Брандтъ и Штенель уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Мюл. Ну, на этотъ разъ мнѣ удалось все уладить.... Одинъ Богъ знаетъ, съ какими жертвами... Я это все запишу тебѣ на твой счетъ. Ну, а теперь вернемся къ нравственной сторонѣ этой исторіи.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же и Амалия (*изъ глубины*), потомъ Леонора (*слѣва*).

Куртъ (*про себя*). Ну и маменька явилась, хорошенькая сцена предстоитъ.

Амалия. О, Куртъ, Куртъ!

Куртъ. Да, мама.

Амалия (*садится*). Ты причинилъ своимъ родителямъ много горя, мой сынъ! Какъ это грязно, какъ унижительно для насъ, что ты заставлялъ своего стараго отца входить въ сношенія съ этой дрянью. (*Восшедшей Леоноръ*.) А тебѣ что здѣсь нужно?

Леонора. Мнѣ нужно переговорить съ вами.

Мюл. Теперь намъ некогда, ступай къ себѣ въ комнату.

Леон. Нѣтъ, папа, въ такихъ дѣлахъ молчать я не могу. Разъ я членъ семьи, то я тоже хочу имѣть свой голосъ.

Мюл. Что значить этотъ торжественный тонъ?

Леон. Въ нашей семьѣ произошелъ сегодня безобразный случай....

Мюл. Не знать бы мнѣ про это!

Леон.... я вамъ ничего скрывать отъ меня. Конечно, по правиламъ свѣтскихъ приличій, которыя навязываютъ намъ, такъ называемымъ, свѣтскимъ барышнямъ, мнѣ бы слѣдовало опустить глаза и играть роль ничего непонимающей, но въ данномъ случаѣ это надо оставить. Я знаю все.

Амалия. И тебѣ не совѣстно?

Леон. Да, мнѣ очень совѣстно.

Мюл. Да ты понимаешь, съ кѣмъ ты говоришь?! Ты съ ума сошла!

Леон. Если я не такъ сказала, прошу прощенія. Я вовсе не хочу васъ сердить. Быть можетъ, дѣйствительно я была плохой дочерью, быть можетъ, я не имѣю права имѣть свои убѣжденія, пока у меня нѣтъ собственнаго положенія. Если это такъ, простите меня. Я постараюсь исправиться. Но, будьте справедливы, возвратите ему его честь.

Мюл. Я не хочу даже и спрашивать тебя, какое тебѣ, въ сущности, дѣло до этого человѣка, но объясни мнѣ, что ты понимаешь подъ словами «возвратить честь»?

Леон. Боже мой, по крайней мѣрѣ, захотите только все поправить, а потомъ уже найдется и средство.

Мюл. Ты думаешь? Сначала сядь, дитя мое. Я не хочу и на этотъ разъ измѣнять моимъ правиламъ и постараюсь подѣйствовать кротостью и вразумить тебя доводами, хотя здѣсь былъ бы болѣе уместенъ строгій выговоръ. Посмотри на мою сѣдую голову, — надъ ней нѣтъ безчестья, хотя я никогда не занимался, такъ называемыми вопросами чести. Ахъ, сколько приходится въ жизни вынести и не смѣть даже разинуть рта, если хочешь достигнуть цѣли. Но вотъ—какой-то молодой человѣкъ, у котораго, какъ ты выразилась, отняли честь.... Предположимъ, что ты права, я очень огорченъ легкомысліемъ твоего брата. Но кто заставляетъ молодого человѣка имѣть какую-то свою честь. Да и откуда она у него? Вѣдь не изъ семьи же его, и не изъ моихъ же торговыхъ дѣлъ. Мои прикащики не мальтійскіе рыцари. Хорошо, ты сказала, что у него была честь и мы должны ему ее возвратить. Но чѣмъ же? Какимъ же образомъ? Можетъ быть женить Курта на этой дѣвушкѣ?

Амалия. Я вынуждена просить тебя, Теодоръ, не говорить такихъ вещей, даже въ шутку.

Мюл. Но вѣдь это и мнѣ и моему дѣлу принесло бы страшное несчастье. Тогда, какъ тотъ молодой человѣкъ имѣеть полную возможность выйти изъ этой исторіи. Если онъ этого не сдѣлаетъ и меня спросить, что долженъ сдѣлаться несчастнымъ, мы или онъ?—то я отвѣчу—онъ, такъ какъ я не имѣю къ этому ни малѣйшей охоты. Такъ дѣйствовалъ я во всю мою жизнь и всякій знаетъ меня за честнаго человѣка.

Леон. (*вставая*). Папа, это твое послѣднее слово?

Мюл. Послѣднее. Теперь подойди и поцѣлуй меня и попроси у твоей матери прощенія.

Леон. (*отшатываясь, съ ужасомъ*). Оставь меня, я не могу тебя обманывать.

Мюл. Что это значитъ?

Леон. Папа, я вижу, что я во всемъ не права, что я требую отъ васъ невозможнаго. Я должна была бы совершенно измѣнить мои взгляды, чтобы сравниться съ тобой, но.... (*Остается сидѣть и прислушивается. За дверью слышны юлюсы.*)

Мюл. Но?

Леон. (*про себя*). Это онъ. (*громко*) Но... я больше не могу.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-же и Вильгельмъ.

Вильг. Молодой г. Хейнке опять здѣсь. (*Куртъ пугается.*)

Мюл. Развѣ вы не передали ему, что я велѣлъ сказать?

Вильг. Такъ точно, но онъ пошелъ сюда за мной изъ конторы.

Мюл. Это неслыханная дерзость! Если онъ моментально не.....

Куртъ. Извини, папа, можетъ быть, онъ хочетъ поблагодарить тебя? Я думаю, что онъ имѣетъ для этого достаточно причинъ.

Мюл. Этотъ народъ не знаетъ благодарности.

Кур. Вѣдь онъ еще долженъ сдать тебѣ кассу.

Мюл. Конечно.

Кур. Въ концѣ концовъ окажутся тамъ недочеты, и тогда ищи его.

Мюл. Ну, пожалуй, пусть войдетъ. (*Вильгельмъ уходитъ.*)

Амалия. Пойдемъ отсюда, Леонора.

Леон. (*тихо, шепча*) Куртъ.

Кур. Что?

Леон. Берегись.

Кур. (*стараясь скрыть смущеніе*). А, вздоръ! (*Амалия и Леонора уходятъ.*)

Мюл. Садись, такъ будетъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и Робертъ (*повидимому спокойнѣе, сдержанно почтительно, съ папкой подмышкой*).

Мюл. Вы нѣсколько навязчивы, мой милый. Ну, я никогда не ставлю въ вину излишнее

усердіе по службѣ, тѣмъ менѣе, когда оно проявляется въ послѣднія минуты предъ увольненіемъ. Ну, садитесь.

Роб. Если позволите, я постою.

Мюл. Какъ хотите. О моемъ племянникѣ я уже узналъ вчера. Ему живется хорошо, онъ веселится, правда немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ мнѣ сказалъ графъ Трастъ, ну, это въ крови у людей хорошаго круга. Вы, я надѣюсь, принесли отчетъ?

Роб. Какъ-же.

Мюл. И?

Роб. (*ищетъ въ папкѣ и передаетъ ему черезъ столъ*). Вотъ.

Куртъ (*непринужденно*). Можно мнѣ взглянуть, папа?

Мюл. Да, да, разумѣется. Или, быть-можетъ, у васъ есть копія?

Роб. Конечно.

Мюл. Подайте ее, пожалуйста, моему сыну. (*Куртъ идетъ на встрѣчу. Оба стоятъ молча другъ противъ друга и обмѣриваютъ одинъ другаго глазами.*) На первый взглядъ, кажется, дѣла хороши. Чистаго дохода получено...

Роб. (*смотря въ портфель*). 116.227 гульденовъ.

Мюл. Считая голландскій гульденъ по 1 маркъ 70-ти, это составитъ... Куртъ, считай и ты.

Роб. 197.585 марокъ.

Мюл. 8—1—3—5—8... Совершенно вѣрно, 197.586 марокъ 90 пфениговъ. Куртъ, что же ты не считаешь?

Кур. И 90 пфениговъ, совершенно вѣрно.

Мюл. Гм. Отъ операціи съ кофеенъ такая ничтожная прибыль? Что это значитъ?

Роб. (*передавая ему листъ*). Вотъ отдѣльный счетъ. Я имѣлъ возможность предугадать кризисъ съ кофе, вызванный бразильской конкуренціей, и занялъ пять шестыхъ плантацій чаемъ.

Мюл. Вы?

Роб. Да, я.

Кур. Странно.

Мюл. А какъ дѣла съ хинной коркой?

Роб. Вотъ счетъ. (*Передастъ ему новый листъ.*)

Мюл. Тоже не представляетъ ничего особеннаго. Откуда-же такой барышъ?

Роб. Особенно доходными оказались опыты съ посѣвомъ табаку изъ сѣмянъ, выписанныхъ изъ Суматры. (*Передастъ ему новый листъ.*) Въ особенности же переходъ къ культурѣ чаевъ.

Мюл. И вы сдѣлали этотъ смѣлый шагъ по своей собственной инициативѣ?

Роб. Не совсѣмъ такъ. Въ этомъ случаѣ я пользовался совѣтами и указаніями моего друга, графа Траста.

Мюл. А мой племянникъ одобрилъ эти шѣры?

Роб. Послѣ, конечно.

Мюл. Ты правъ, милый Куртъ, все это очень странно.

Роб. Желаете еще спросить о чемъ-нибудь?

Мюл. Судя по тому, какъ вы держите себя, всѣ мои торговыя дѣла на Явѣ вы вели вполне самостоятельно? Какимиъ это образомъ?

Роб. Потому что у меня была полная довѣренность.

Мюл. А гдѣ же былъ въ это время мой племянникъ?

Роб. На этотъ вопросъ я ничего не могу отвѣтить вамъ.

Мюл. Развѣ мой племянникъ не ежедневно бывалъ въ конторѣ?

Роб. Нѣтъ.

Мюл. (все болѣе волнуясь). Когда же онъ бывалъ тамъ?

Роб. Когда приходила почта изъ Гамбурга и когда онъ бралъ деньги.

Куртъ. Что же вы хотите этимъ сказать, что мой кузенъ манкировалъ дѣломъ?

Роб. Я хочу сказать только то, что сказалъ.

Мюл. Такъ потрудитесь же мнѣ объяснить...

Роб. Я не считаю себя въ правѣ рассказывать о частной жизни моихъ патроновъ.

Куртъ. А кидать въ нихъ грязью считаете себя въ правѣ?

Роб. (хочетъ кинуться на него, но сдерживается). Угодно еще о чемъ-нибудь спросить?

Мюл. Сколько у васъ съ собой наличныхъ?

Роб. У меня переводовъ на разные банки на сумму 95 тыс. гульденовъ. Вотъ они.

Мюл. Куртъ, проверь. (Оба становятся опять другъ противъ друга, Куртъ беретъ переводы и просматриваетъ ихъ.)

Роб. Теперь все?

Мюл. Подождите еще немного. (Пауза.)

Куртъ. Совершенно вѣрно.

Мюл. Итакъ, мой милый г. Хейнеке, желаю вамъ счастья въ нашей дальнѣйшей карьерѣ. Оставляйте порядочнымъ человекомъ и не забывайте, чѣмъ вы обязаны моему дому.

Роб. Нѣтъ, и этого не забуду. Вотъ тѣ 40 тыс., которыя вы были такъ добры передать моему отцу.

Мюл. Эти 40 тыс. были подаркомъ, а не займомъ.

Роб. Все-таки я считаю себя обязаннымъ возвратить ихъ вамъ.

Мюл. Вы уполномочены вашимъ отцомъ возвратить эти деньги?

Роб. Нѣтъ, нѣтъ я не уполномоченъ.

Мюл. Следовательно, эти деньги ваши?

Роб. Совершенно вѣрно.

Мюл. Такъ, такъ.

Куртъ. Не находишь-ли ты очень интереснымъ, папа, что нашъ г. Хейнеке сдѣлалъ сбереженія въ такихъ разнѣрахъ?

Роб. (соображаетъ одно миновеніе, понимаетъ смыслъ этихъ словъ, вскрикиваетъ и съ револьверомъ въ рукахъ кидается на Курта, хватая его за горло.) Мерзавецъ! Возьми назадъ свои слова.

Мюл. Спасите, спасите!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Леонора, потомъ Амалія.

Леон. (вбѣгая.) Робертъ, спяльтесь!

(Робертъ, при взглядѣ на нее, роняетъ револьверъ и отходитъ, закрывая лицо руками. Куртъ, тяжело дыша, падаетъ на диванъ.)

Амалія (входитъ черезъ среднюю дверь). Что случилось? Куртъ! Помогите! Убийца, убійца! Такъ позвони же, Теодоръ!

Мюл. Тише, тише, опасности больше нѣтъ. Чего вамъ здѣсь еще нужно? Уходите.

Роб. Какъ воръ, не правда-ли? (Леонора дѣлаетъ движеніе.) Да, Леонора, знайте: я дѣлалъ сбереженія, я воръ.

Леон. Отецъ, Бога ради, что вы тутъ надѣлали?

Роб. Хорошо. И такъ сегодня день отчета. Подведемъ балансъ. Балансъ между барскимъ домомъ и флигелемъ. Я вырывалъ для васъ барыши и зубани, и ногтями и не заикался о жалованьи. Я на васъ смотрѣлъ, какъ на святыхъ. Вы были моей вѣрой, моей религіей. А ны что сдѣлали? Вы украли у меня честь моей семьи, вѣдь она была честна, хоть и жила на заднемъ дворѣ. Вы украли у меня любовь моихъ. Хотя они и грязные нищія, но я люблю ихъ. Вы украли у меня подушку, на которой я отдыхалъ отъ работы на васъ. Вы украли у меня родину... вы украли у меня любовь къ людямъ и надежду на Бога. Вы украли покой, стыдъ и спокойную совѣсть. Вы украли солнце съ моего неба. Вы — воры, вы!

Мюл. (послѣ паузы). Что-же мнѣ позвать лакеевъ, чтобы вышвырнуть васъ за дверь?

Леон. (между ними.) Этого не будетъ, папа.

Мюл. Что? Ты?

Леон. Онъ уйдетъ отсюда свободно и безъ оскорбленій. Или ты и меня вышвернешь за дверь.

Роб. Леонора, что вы хотите дѣлать?!

Леон. Папа, неужели у тебя не найдется ни слова извиненія передъ нимъ? Только одного слова?

Мюл. Ты съ ума сошла?

Роб. Оставьте, Леонора. Я буду съ благодарностью вспоминать о васъ, пока я живъ. Въ васъ я оставляю все то, что зовется родной. Да будетъ надъ вами благословеніе. Прощайте. (Идетъ къ двери.)

Леон. (съ крикомъ кидается за нимъ и

хватается за него). Не уходи, не уходи, а если ты уходишь, то возьми и меня съ собой.

Роб. Леонора!

Мюл. Что это зна...?

Леон. Не оставляй меня одну. Мнѣ холодно съ этими людьми. И моя родина въ тебѣ. Ты былъ ею всегда. Смотри, я обнимаю тебя, ты не можешь меня поимнуть...

Мюл. Ахъ, что за скандалъ!

Леон. Не будемъ ненавидѣть другъ друга, папа. Я вознагражу его за все то, что вы отняли у него. *(Роберту.)* У меня, положимъ, нѣтъ ничего, кромѣ меня самой. Хотите онъ этого...

Роб. Леонора!

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ-же и Трасть.

Тр. Что здѣсь произошло?

Леон. *(бѣжитъ ему навстрѣчу)*. Благодарю васъ, мой другъ. Вы мнѣ показали настоящую дорогу. Робертъ, создадимъ себѣ новую родину, новыя обязанности.

Роб. *(бросаетъ взглядъ на Курта, который сидитъ убитый. Съ горечью)*. И новую честь. *(Обнимаетъ ее.)*

Амалия. Такъ вотъ какова- благодарность, Теодоръ.

Леон. Папа, мама, я не прошу у васъ прощенія, потому что то, что я дѣлаю, я должна сдѣлать. Я чувствую, что это не можетъ быть несправедливо, но я молю васъ вскопните обо мнѣ безъ злобы.

Мюл. Вотъ какъ? И ты думаешь, что ты оставишь семью безъ того, чтобы услышать кто ты... Ты... *(Поднимаетъ руки для проклятій.)*

Тр. *(подходя къ нему)*. Оставьте это. Къ чему утруждать себя проклятіями? *(Тихо.)* Да и притомъ, между нами будь сказано, ваша дочь дѣлаетъ вовсе не плохую партію. Этотъ молодой человѣкъ будетъ моимъ компаньономъ, а такъ какъ у меня родныхъ нѣтъ, то и наследникомъ.

Мюл. Но... графъ... Что-же вы мнѣ это раньше...

Тр. *(быстро отступая назадъ и отстраняя ею руками)*. Я жду вашего письменнаго согласія. *(Идетъ за Робертомъ и Леонорой къ выходу.)*

Взамѣнъ переписыванія ролей комедіи „Честь“, могутъ быть приобретаемы въ конторѣ журнала „Артистъ“ отдѣльные оттиски этой пьесы. Цѣна полнаго комплекта (16 экз.) 8 рублей. Гг. подписчики на журналъ „Артистъ“ за пересылку не платятъ.